

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

КВЕТКАВЫЯ ВЕТРАЗІ

Пад рэдакцыяй А. М. Зэкава

МІНСК
БДУ
2016

УДК 821.161.3-822
ББК 84(4Бел)я43
К32

Складальнік
І. С. Шкіронак

Кветкавыя ветразі / склад. І. С. Шкіронак ; пад рэд.
К32 А. М. Зэкава. – Мінск : БДУ, 2016. – 143 с.
ISBN 978-985-566-292-2.

У літаратурны зборнік «Кветкавыя ветразі» ўвайшлі творы ўдзельнікаў клуба аматараў мастацкага слова «КЛУмБа», які створаны пры Фундаментальнай бібліятэцы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Аўтарамі першага клубаўскага зборніка сталі студэнты некаторых факультэтаў БДУ. Яны спрабуюць свае сілы ў розных літаратурных жанрах. Гэта вершы, апавяданні, казкі, нарысы. У сваіх творах удзельнікі клуба закранаюць пытанні, якія хвалююць іх душы: ад асабістых інтымных перажыванняў да набалелых праблем чалавецтва.

УДК 821.161.3-822
ББК 84(4Бел)я43

ISBN 978-985-566-292-2

© БДУ, 2016

ПАД ВЕТРАЗЯМІ НАТХНЕННЯ

Студэнцкая пара – гэта не толькі лекцыі, залікі і экзамены. Гэта яшчэ надзвычай цікавае і насычанае жыццё па-за імі, калі кожнаму хочацца праявіць і сцвердзіць сябе, паказаць тое, на што здольны толькі ты. А калі побач з табой такія ж апантанія юнакі і дзяўчаты, гэта акрыляе яшчэ больш.

Менавіта такіх юнакоў і дзяўчат, прадстаўнікоў самых розных факультэтаў, і аб'ядноўвае клуб аматараў мастацкага слова «КЛУМБа», які з 30 верасня 2014 года паспяхова дзейнічае пры Фундаментальнай бібліятэцы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. І хоць пераважная большасць «клубаўцаў» спрабуюць свае сілы ў вершах і прозе, тым не менш гэта не проста літаратурнае аб'яднанне, якім мы звычайна яго ўяўляем. Межы дзейнасці клуба значна шырэйшыя. Яго дзверы адчынены і для тых, хто проста любіць мастацкае слова, спявае, чытае вершы, выступае ў ролі вядучых літаратурна-музычных вечароў, ладзіць творчыя курсы, а то і проста прыходзіць на сустрэчы і імпрэзы, каб паслухаць і падтрымаць сваіх сяброў-аднагодкаў.

Няўрымслівыя «клубаўцы» праяўляюць сябе паўсюль: як у сценах універсітэта, так і па-за яго межамі. Многія з іх – лаўрэаты шматлікіх універсітэцкіх, рэспубліканскіх і міжнародных літаратурных конкурсаў, а Кацярына Роўда і Таццяна Купрыянец выдалі ў серыі «Мінскія маладыя галасы» ўласныя паэтычныя зборнікі. Апошнюю з іх прынялі ў Саюз пісьменнікаў Беларусі. У перыядычным друку заявілі пра сябе таксама Марыя Дуднік, Валерыя Ісаковіч, Анастасія Каротчыкава, Аліна Карпіцкая, Фаіна Наканечная, Ігар Пятровіч, Анастасія Трашчова, Таццяна Цішкевіч, Іван Цвірко, Ганна Шыдлоўская, Вікторыя Бежалева, Дзмітрый Корзунаў, Андрэй Кімбар.

Магчыма, далёка не ўсе з сённяшніх «клубаўцаў» стануць прафесійнымі пісьменнікамі, але няма сумнення ў тым, што кожны з іх на ўсё жыццё запомніць час, праведзены ў «КЛУМБе»,

як і захавае сяброўства з тымі, з кім разам сталі адной сям'ёй, – калегамі і аднадумцамі. Яны ніколі не забудуць, як чыталі адзін аднаму вершы і спявалі песні пад гітару, выступалі перад чытачамі, сустракаліся з беларускімі пісьменнікамі, пераўвасабляліся ў герояў аповесці Уладзіміра Караткевіча «Дзікае паляванне караля Стаха», ладзілі літаратурна-музычную імпрэзу «Услышь дыхание любви» ў сталічным храме ў гонар св. прп. Серафіма Сароўскага, наведвалі сядзібу Міхаіла Агінскага на Смаргоншчыне і купалаўскую Вязынку.

Свой першы (спадзяюся, не апошні) літаратурны зборнік удзельнікі клуба назвалі «Кветкавыя ветразі». Што ўвасабляе гэта назва, найбольш яскрава патлумачыла кіраўнік клуба – вядучы бібліятэкар Фундаментальнай бібліятэкі БДУ Ірына Шкіронак:

Кветкавыя ветразі –
радасці іскрынкі,
Ветразі пачуццяў,
ўзлёт і маладосць!
Дзьме натхнення вецер,
і, як тыя рыбкі,
Лёгка скачуць словы,
рытм і рыфма ёсць!
Ветразі напоўняць
нашы душы шчасцем,
Верай і любоўю,
што за ўсё мацней.
Адплывуць у Лету
беды і напасці –
Будзьма жыць з надзеяй
ў дабрыню людзей!

Хай жа так і будзе! А ў ветразі ўдзельнікаў універсітэцкага клуба аматараў мастацкага слова «КЛУМБа» хай заўсёды дзьме свежы вецер! Нават калі ён не спадарожны. Ведаючы гэтых натхнёных словам і музыкай юнакоў і дзяўчат, я ўпэнены: гэта ім не перашкода. Бо для «клумбаўцаў» не існуе такіх цяжкасцей, якіх бы яны не змаглі пераадолець.

Анатоль Зэкаў

ГІМН КЛУБА

Наши строки
Пусть разносятся по свету!
Наши песни
Пусть лишь радуют всегда!
Нашей «КЛУМБЫ»
В целом мире краше нету!
Вместе мы
На долгие года...

Приве:

Вот такое мы объединенье
Молодых, веселых, творческих людей.
«КЛУМБа» всем желает настроенья,
Новых впечатлений и идей!

На як ой бы мове
Слова ні гучала,
Важна тое,
Каб нясло яно любоў.
Дзякуй, «КЛУМБа»,
Што ўсіх нас ты аб'яднала!
Шчыры дзякуй,
«КЛУМБа», за сяброў!

Прыпеў:

Вершы, казкі і апавяданні
Будзем мы на «КЛУМБе» нашай гадаваць,
Каб яна і ўвечары, і ўранні
Радаваць магла і працвітаць!

Кацярына Роўда

БЕЖАЛЕВА Вікторыя

Нарадзілася ў Жлобіне (Гомельская вобласць) 23 лістапада 1991 г. У 2014 г. скончыла філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Натхнёная сваімі вучнямі (а іх больш за 120), няпростай, але такой важнай прафесіяй настаўніка, фотаздымкамі, зносінамі з блізкімі, прыродай беларускага краю, любоўю да Радзімы, творчасцю іераманаха Рамана (Мацюшына), Ніны

Паўлавай і глыбокай духоўнай літаратурай, шукаю сваё прызначэнне і Госпада.

Лічу, што галоўнае ў жыцці – гэта ўвасобіць сябе ў таго, кім ты павінен стаць.

А за окном такая красота!..
Зимы прішедшей сочное сиянье..
И у окна одна стою, но не одна..
И чувствую твое дыханье...

Играет солнце с вишнею в саду,
И жар рябины верой согревает..
А я тебя сильнее все люблю,
Хотя еще совсем не знаю...

Дивит и манит танец голубей,
Захваченных лиричным воркованьем..
Души твоей я чувствую сиянье
И вальс Шопена слышу в ней...

26.11.2013

Я тебе напишу стихи
Ночью тихой, густой и снежной...
И пусть воет метель до зари...
Столько света в чертах твоих нежных...

Если б знал ты, как близок мне,
Как волнуешь меня, поражаешь...
Как тоскую порой по тебе,
Как без слов ты меня понимаешь...

И сегодня я снова жду
Слов твоих удивительно снежных...
И пусть воет метель до зари...
А в душе зарождается нежность...

26.11.2013

Ищите Бога, ищите слезно,
Ищите, люди, пока не поздно!
И будет радость превыше неба,
Но так ищите, как нищий хлеба!

И. Абрамов

Ищу Тебя, пока не поздно,
Ищу Тебя ночами слезно,
Ищу Тебя при свете дня,
Ищу, ищу, ищу Тебя...

Слезами, счастьем умываясь,
К Тебе тихонько приближаюсь,
Встаю, и падаю, и вновь встаю...
К Тебе иду-иду-иду...

Пусть будет горя три полных меры,
Но чтобы света – превыше неба!..
И так мне падать, вставать, идти,
Чтобы однажды Тебя найти!

08.06.2014, Троица

Когда нет сил ни идти, ни ползти,
А дорога предательством выжжена...
Как тот свет вперед нести
Душой опустошенной, на дуэль вызванной?..

Он все прощает, но ты не простила,
По праву упорствуя праведностью,
Во всем виновата я... (Но, может, ты не любил,
Заменяя всю суть жадной надобностью?!)

Но ты скажи: как дальше жить,
Как верить?.. (Не говорю «любить»...)
И если суть твоя такова,
Уж лучше я поползу, но без тебя...

02.11.2014

Ключи

Так странно:
тебя не хватает...
Так свой ты уже иль чужой?..
Душа, не надеясь,
взрастает
К жизни правдивой, большой...

Ты – самая сложная тайна
С раздробленной в прах душой,
С такою горячею болью,
Что я восклицаю: «Постой!..
Через эту трагедию страшную
я хочу пройти
с тобой...»

...А ты раскрыться не решаешься,
Все безмолвно упорно твердишь:

«Ты, как все, пройди,
а то в грязи изваляешься,
Душе своей навредишь...»

...Посмотри на меня еще раз глазами пепельными...
Душа не поет? Так ты помолчи...

Нет, мне не кажется – ощущаю трепетно:
У сердца звенят ключи...

25–26.02.2015

О Петроград!
Северная столица!
Для меня ты не город,
Для меня ты птица!

Присев голубю Невской лавры на крыло,
Взмывают мои вопрошенья высоко-высоко!

Пока вопросов больше, чем ответов...
Я терпеливо жду.
И снова вопрошаю, поверяю –
Следы Твои ищу!..

...Ночь белая забрезжится рассветом,
Сведут мосты...
И белый голубь,
Опережая на мгновенья лето,
На крыльях принесет ответы:
О, как сложны они и как просты!..

В июле, может, в сентябре,
И я пойду во след Тебе...
А как тут можно не идти,
Коль столько Света впереди?..

17.06.2015

10 Кветкавыя ветразі

В моей душе нет места для Тебя,
А ведь пуста она...
И у подножия креста
Стою одна.

Я вижу, слышу, верую,
Но без души.
Она во мраке
Безразличия и пустоты...
26.06.2015

Я вдыхаю ночи небо,
Звезд сиянье, синеву.
Я вдыхаю это небо,
Значит, я еще живу!..

Очи к звездам поднимаю,
Я ищу свою звезду,
И тебя еще не зная,
Я с тобою встречи жду!

Листья к фонарям слетают
У прохожих на виду.
Небо внутрь себя вбирая,
Я иду к тебе, иду...
03.10.2015

ДУДНІК Марыя

Нарадзілася 14 ліпеня 1996 г. у Наваполацку Віцебскай вобласці. Там у 2013 г. на выдатна скончыла гімназію. Зараз студэнтка філалагічнага факультэта БДУ. У вольны час удзельнічаю ў грамадскім жыцці факультэта. Пішу выключна прозу і, на жаль, рэдка. Але, мяркую, гэта толькі пачатак :)

Моя Память

Не надо войны, не надо...
Давайте-ка лучше работать,
думать, искать...
Война – удел варваров.

Ги де Мопассан

Я живу легко и спокойно. Каждый день, не задумываясь, делаю вдох и выдох. Конечно, иногда у меня случаются неприятности, но я нахожу пути их решения и живу дальше. Вдох-выдох. Выхожу на улицу. Вокруг все чисто, убрано. Изредка на асфальте может встретиться окурок или фантик, но я иду дальше, потому что абсолютно уверена, что завтра их не будет – дворники у нас работают исправно. Продолжаю идти. Вдох-выдох. Перехожу дорогу: лениво поворачиваю голову влево, вправо. Все в порядке. Машины стоят и ждут свой зеленый свет. Мне нечего бояться. Я абсолютно привыкла к такой хорошо устроенной жизни. Поднимаю глаза, а над головой – бесконечное небо, чистое, свободное, а главное – мирное. Вдох... Выдох...

Боже мой, как страшно. Как тяжело и тревожно жить. Я не могу спокойно сделать вдох. Воздух какой-то пыльный, душный, но все равно жадно его глотаю, часто-часто, а мне все мало. Вдох-выдох. Сейчас сижу в укрытии с остальными, но скоро уже начнется бой. Как же страшно. Как хочется спать и есть. Вдох-выдох. Продовольствие не поступало уже неделю, и скоро наши запасы закончатся. Вдох-выдох. Команда приготовиться к бою. Мы довольно поспешно выходим на открытую местность. Вот-вот будет атака и придется бежать. Бежать, не зная куда, стрелять, не зная в кого. Как же мне страшно! Вдох-выдох. Мои товарищи говорят, что уже привыкли к постоянным перестрелкам. Но только не я. Думаю, что к такому привыкнуть нельзя. Я не могу смириться с той жестокостью, которой уже пропитаны земля и воздух. Вдох-выдох. Как хочется спать! Вдох-выдох. Вот! Атака! Бегу. Вдох. Стреляю. Выдох. Бегу. Вдох. Стреляю. Выдох. Периодически останавливаюсь. Вдох-выдох. Пытаюсь спрятаться от летящих на меня пуль. Бегу дальше. Вдох-выдох. В такие моменты кажется, что вокруг никого нет. Все звуки сливаются в единую мелодию, а потом будто резко исчезают. Все, что я слышу, – свое частое и ненасытное дыхание. Боже, как хочется жить! Жить спокойно и мирно. Но я здесь, бегу, как и многие другие, просто бегу и стреляю. Вокруг меня грязь, дым, трупы. Те, с кем я провожу каждый день, бок о бок, падают и умирают прямо у меня на глазах. Боже мой, когда все это закончится? И вообще, стоят ли этого мои мучения? Наверное, стоят. Точно стоят. Рано или поздно у меня появятся дети. И уж у них-то не должно быть войны. Они не должны видеть этот ад. Вдох-выдох. Боль! Кто-то будто бы вырвал меня из моих же мыслей. Вдох-выдох. И вот я снова слышу все звуки. Вдох-выдох. Я падаю на спину. Вдох-выдох. Как больно. Как страшно. Я не хочу умирать. Хочу жить, работать, думать, искать, мечтать. Вдох-выдох. Я уже на земле. Все, что я вижу, – это небо, такое бесконечное, свободное. Когда же закончится война? Когда же мы будем жить под чистым и мирным небом над голубой? Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох...

Вдох... Вдох облегчения... Я опускаю глаза. Смотрю по сторонам. Какое счастье, что я есть здесь и сейчас... Я здесь. Я живу. Все потому, что ровно 70 лет назад кто-то боролся за мое мирное небо. Люди боялись, плакали, но продолжали отстаивать свою свободу. Конечно, они не хотели воевать, конечно, они не хотели умирать. Но переступая через все преграды, они шли к победе, чтобы ужас войны никогда не повторялся, чтобы наше поколение жило спокойно. Пока мы помним о подвиге, совершенном нашими дедами и прадедами, войны не будет... По крайней мере, мне хочется в это верить...

ІКОНІКАЎ Кірыл

Нарадзіўся 22 чэрвеня 1996 г. у в. Далгінава Вілейскага раёна Мінскай вобласці. З 1998 па 2014 г. жыў у Вілейцы. У 2003 г. паступіў у Вілейскую гімназію № 1 «Логас», дзе навучаўся да 2012 г. З 2012 г. працягнуў навучанне ў Вілейскай САШ № 5. У 2014 г. стаў курсантам ваеннага факультэта БДУ. Люблю разам з сябрамі спяваць пад гітару нашы вясёлыя студэнцкія песні.

Себя не зная, оборвал мечту,
Забілся в угол одиноким зверем.
Я время променял на пустоту.
Я сам себе чужим был и не верил.

Вершины гор хотел я покорить,
И вот уже, казалось бы, срывался.
Я понимал, что нужно как-то жить.
Сжал кулаки... И все-таки поднялся!

Я шел, стремился, наводил мосты,
В душе тая волненья и тревогу.
Я знал: мы все несем свои кресты.
Мы все в ответе будем перед Богом.

Предательство друзей, тоску и ложь,
Врагов ухмылки и косые взгляды,
Разбитую любовь, немую дрожь
Прошел, как неизбежные преграды.

Ту девушку мне больше не обнять.
Проходит все. И это растворится.
Я выдержал. Я это смог принять.
Я стану лучшим. Пусть она гордится,

Что я в ее судьбе когда-то был.
Теперь, когда есть цели и стремленья,
Я счастлив, что боролся и любил.
Теперь ценю бесценные мгновенья.

Спешил к тебе, светясь особым светом,
Который ты, любимая, зажгла.
Я был счастливым этим жарким летом.
Казалось, ты всегда меня ждала.

Я на тебя смотрел и наслаждался
Улыбкой милой, нежной красотой,
В глазах твоих бездонных растворялся.
Я спать не мог и жил одной мечтой.

Сходил с ума, о встречах вспоминая,
Мед сладких губ, любимых рук тепло...
Все кончено! Как дальше жить – не знаю.
Я не могу поверить, все прошло.

И сердце расколосось на две части,
Тобою ранен беспощадно был.
Но я тебе желаю только счастья.
Я был с тобою честен, я любил!

Я не могу без тебя, такую, как ты, не смогу я найти.
Сердце болит и не может покой обрести.
Время прошло, мне по-прежнему трудно дышать.
Это любовь, но не смог я ее удержать.

16 Кветкавыя ветразі

Лишь для тебя мой огонь есть и будет, как был.
Я, ангел мой, ни на миг о тебе не забыл.
Все на двоих лишь с тобою хочу я делить.
Солнце, луну... Только ты не порви эту нить!

Я ограждать тебя буду от боли и зла,
Сделаю все, чтобы ты лишь счастливой была.
Будет весна в нашей жизни всегда расцветать.
Только доверься, не дай мне тебя потерять.

Я так хочу, чтобы ты мне ответила «да».
Не пожалеешь об этом, поверь мне, малыш, никогда!
Радость моя, я уверен, что нам по пути.
Ты мое все! Мне такую, как ты, не найти.

ІСАКОВІЧ Валерыя

Нарадзілася 29 снежня 1994 г. у Гомелі і жыла там, пакуль не паступіла ў БДУ. Цяпер вучуся на чацвёртым курсе, спецыяльнасць «Сусветная эканоміка». Маё захапленне – усё, што звязана з Японіяй і японскай культурай.

У Мінску здзейснілася мая мара – вывучаць японскую мову.

Здзяціства пішу вершы, але гучнае слова «паэт» не пра мяне. Мая творчасць – гэта спосаб як мага больш шчыра выказаць свае думкі і пачуцці. Люблю апісваць у вершах сюжэты, асабліва фантастычныя. На шчасце, натхненне можна сустрэць на кожным кроку, а таксама ў кнігах і музыцы. Што тычыцца астатняй творчасці... Часам раблю ілюстрацыі да сваіх вершаў.

Чtivo

Если мне попадется книга, что из желтой дрянной бумаги,
Где чернила нещадно мажут, а обложка аляповата,
Я в нее загляну, быть может, как обычно, поддавшись тяге
Что попало читать. И вздрогну в предвкушении результата,

Что меня унесет отсюда в мир чудесный и незнакомый,
Где сумею я раствориться в ярких чувствах марионеток.
Там окажется интересней, по-волшебному, по-другому.
Я, сгорая от ожидания, открываю пролог. Но это...

То единственное, что лучше отдавать на макулатуру
Иль использовать для растопки да иных неприглядных целей.
Я, конечно, уже смирилась, что хромает литература
В наше время. Но все же жалко, что деревья совсем не ценят.

Нет, написано-то неплохо, стиль и грамотность есть на месте.
Но за чтивом попеременно ненавижу, зеваю, ною.
Это книга до отвращения, до безумья неинтересна,
Так как главная героиня оказалась, к несчастью, мною.

Стук сердца, как самый ритмичный крик...
Да только о чем же ему кричать?
Ведь это лишь орган, ведь он привык
По кругу горячую кровь качать.
Отбросим иллюзии, что на счет
Его мы относим эмоций шквал.
Одно только важно – стучать еще,
Пока час гибели не настал.
И ровно, и радостно, и взрывно!
За то, что не ценим, порой коря.
...но, знаешь, как страшно кричит оно,
Когда понимает, что бьется зря?

Не подходи. Здесь радиоактивно,
И долгое присутствие фатально.
Твоя защита малоэффективна,
Ведь ты же не поломанный, нормальный.

Не подходи. Источник пессимизма,
Не могущий прожить без мрачных шуток,
Чтоб избежать ненужного трагизма,
Уныньем инфицирует рассудок.

Не подходи. Спасай мировоззреньё
От радионуклидов безнадёги.
Они предрасположены к скопленью,
И в каждом изначально есть немного.

Так не усугубляй, не стань же частью
Измученных страданием ничтожеств.
Не подходи, пока ты веришь в счастье.
Ничем ты зараженным не поможешь.

Мир крахмальный, ажурный, как кружево,
Стало заснежено все, что разрушено.
Пусть далеко до надежды на лучшее,
Но моя грусть светла.

Не по-осеннему, не истерически
Я пребываю во сне летаргическом.
Хочется вымолить, хочется вычистить
Душу вновь добела.

Под фонарями снежинки, как золото,
Лед еще тонок, прозрачно-исколотый.
Так безмятежно, что даже не холодно.
Как этот миг продлить?

Миг чистоты, совершенства щемящего,
Хрупкого, дивного и... преходящего,
Что воскресило во мне ненавязчиво
Краткую жажду жить.

Осенью будет немного легче,
Осенью будет чуть-чуть светлей.
Шелестом листьев она залечит
Россыпь ожогов палящих дней.

Осенью будет чуть-чуть воздушней:
В горле почти рассосется ком.
Росчерком ливня она разрушит
Оцепенение сердца. В нем

20 Кветкавыя ветразі

Чувства промчатся по всем сосудам,
Воли натянется тетива.
И, словно кашель сырой простуды,
В воздух взметнутся опять слова.

Сквозь клетку грудную пробился лиловый цвет...
И он, распускаясь, все соки мои вобрал.
Я слишком поверила в то, чего вовсе нет:
Мне мир иллюзорный реальности ближе стал.

И сердце свое целиком волшебству вручив,
Здесь призраком маюсь я, досуха испита –
Но счастлива там. И нет смысла меня лечить,
Когда промеж ребер упрямо цветет мечта.

Я теряю тебя, я теряю тебя опять,
Огонек в вечном мраке,
Маяк для моих кораблей
Без тебя мне не видеть, не слышать и не дышать,
А невнятные страхи
Терзают меня все сильнее.
Без тебя мне не вспомнить, зачем я и кто я есть,
И, утратив значенья,
Взорвется мое бытие.
Ты, пожалуйста, просто останься со мною, здесь.
Твое сердцебиенье –
Увертюра к моей весне.

Я хорошо осознаю,
Что я тебя люблю,
Я хорошо осознаю,
Что я твоя мишень,

Что жизнь проиграна уже,
Я лишь одна из многих жертв,
Я не боюсь твоих ножей,
Что смерти песнь поют.

Я поняла, что ничего
Не в силах изменить.
Я поняла, что ничего
Не чувствуешь ко мне.
Я только пленник на войне,
И город мой сожгли в огне,
Любовь моя всего сильнее –
Ее мне не убить.

Смирилась я, что не бывать
Счастливому концу.
Смирилась я, что не бывать
Любимую тобой.
Заранее проигран бой,
И я склонюсь перед судьбой,
Но поцелуй прощальный мой
Прими. Тебе к лицу.

Ты говоришь, что сделалась я сильнее,
Что победила, даже пройдя сквозь ад.
Что от закалки болью душа прочнеет,
Что у меня волевой и спокойный взгляд,

Что не дрожат ни руки мои, ни голос.
Я изменилась: уже не хрусталь, а сталь.
Ты говоришь, что пытка порой на пользу,
Тех, кто не сломлен, возводят на пьедестал.

Ты говоришь, коль меня это не убило,
Значит, сильнее сделало раза в два.
Но почему ты настолько уверен, милый,
Что раз я выжила, то и внутри жива?

Я весь день на взводе, напряжена,
Будто бы безумно чего-то жду.
Только вот бездейственна тишина,
И часы замедлили частоту.

Будто бы снаружи все как кисель,
А внутри обратный ведет отсчет
Жуткий механизм. И его шрапнель
Мир вокруг безжалостно разнесет,

Импульс сокрушительный миру даст,
Все его детали вогнав в пазы,
Принеся гармонию... И сейчас
Я до иступленья хочу грозы.

Каждые семь секунд
один человек
в мире сходит с ума.
Я думаю, скоро настанет
моя седьмая секунда.

Макс Фрай

Компьютер выключен. Как и свет.
Других источников звука нет.
Седьмая секунда проведена,
Вокруг блаженная тишина.

С шестой секундой уже не так:
Меня пугает весь этот мрак.
Уже пресытившись тишиной,
Я не хочу больше быть одной.

И шлет мне разум благовую весть,
Что рядом, кажется, кто-то есть.
Не знаю, как это мне принять.
Секунд осталось всего лишь пять.

По телу чувствую холодок –
Звучит навязчивый шепоток,
Хоть я с собою наедине.
Четыре мига осталось мне.

Пусть шепот слышен едва-едва,
Я разбираю уже слова.
Но вдруг взбесился сердечный ритм,
Ведь мне осталось секунды три.

А голос нежный меня зовет
Крушить все стены, идти на взлет.
Он все настойчивей, все сильнее,
А две секунды длинней двух дней.

Меня подстегивает: «Сломай
И ты получишь желанный рай».
Я этой воле подчинена.
Секунда есть у меня одна.

За это время, любя, скорбя,
Мне удастся сломать себя.
Вдруг испаряются страх и боль –
Я абсолютно свободна.

Ноль.

Об искреннем

Надо быть поспокойней, тактичнее и нейтральной
И писать о природе, о родине да про быт.
Никому не нужны концентраты моих страданий,
Никому не полезны декокты моих обид.

Все должно быть причесано, не выходить за рамки,
Отфильтровано и без каких-либо сильных чувств.
Только я вот хочу выворачивать наизнанку
Чьи-то души. Пробиться в их коконы я хочу,

Разрушительным штормом вдруг их растревожить заводь
Повседневности, чтобы взметнулся со дна весь ил.
Очевидно, что «пипл» такое не будет «хавать»,
Но не верю, что это напрасная трата сил.

КАЛАБКОЎ Юрый

Нарадзіўся 1 жніўня 1993 г. у Магілёве. Скончыў Магілёўскае абласное кадэцкае вучылішча (МгАКВ). У 2012 г. паступіў на ваенны факультэт БДУ. Майстар спорту па гіравым спорце. Пішу санеты. Выпусціў студыйны альбом «Остатся собой» (2014).

Сонет 36

Пленить ты в силах и забрать любую жизнь.
Возьми мою – то за твой нежный взгляд расплата.
Живи вдвойне, сумей навечно сохранить
Мою любовь: она ни в чем не виновата.

И скольких ты смогла в себе похоронить,
Позволив им себя любить? Чрезмерна трата –
За поцелуй банальный жизнями платить...
Как много судеб на твоих губах распято!..

Твоя любовь мертва, она – всего лишь тлен.
Живой могилой предстаешь, и всех – в могилу.
Но, изменяя мне, мою подаришь тень
Холодной ночи. Иль не зря ты не любила?

Ты для сердец, в твоих очах заблудших – плен.
Твоим поклонникам уже не встать с колен.

КАРОТЧЫКАВА Настасся

Нарадзілася 25 лістапада 1996 г. у Мінску. У 1998 г. пераехала ў аграгарадок Атоліна Мінскага раёна, дзе ў 2003 г. пачала навучанне ў Прылукскай сярэдняй школе. У 2012 г. скончыла Сenniцкую школу мастацтваў па класе фартэпіяна. У 2014 г. скончыла агульнаадукацыйную школу і ў тым жа годзе паступіла на факультэт міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Першы верш напісала ў сямігадовым узросце, але, на жаль, ён не захаваўся. Лаўрэат літаратурнага конкурсу «Славянскі калейдаскоп – 2015» сярод студэнтаў БДУ (верш «Плохие советы» апублікаваны ў літаратурным часопісе «Белая вежа»).

Мне звуки нот под вечер грели слух:
Рояль рыдал навзрыд сквозь стену мне.
Услышал плач его и нем и глух;
Катились слезы по моей стене.

И не было начала и конца
Страданий бело-черных в до-минор.
Мелодия маститого творца
Сквозь клавиши сочилась на простор.

Играй же, пианист, и сей печаль!
Ты лишь один – покой моим ушам!

Мне кажется, что плачет не рояль,
А на пол слезы льет моя душа.

18.08.2015

Время убегает сквозь туманы,
Каждый день на день былой похожий,
Только в этой суматохе рьяной
Мама не становится моложе.

Гонятся за временем упрямо
Люди и бегут еще быстрее.
Только в это время ваша мама
Вовсе не становится бодрее.

Видя мир уставшими глазами,
Бродят толпы по дорогам зыбким.
Только на лице у вашей мамы
Реже появляется улыбка.

Прячась в столь весомых аргументах,
Вновь и вновь спеша от дела к делу,
Не увидит человек момента,
Как родная мама поседела.

И в забитой жизненной программе
Не найдя свободного местечка,
Не узнает, что больная мама
Чаще тянется рукой в аптечку.

И однажды не заметим сами,
Как засеребрится шевелюра
Не на голове у милой мамы,
А на наших головах понурых.

Я прошу, оставь свой груз бумажный!
Оглянись, задумчивый прохожий!
Ведь пока бежишь за чем-то важным,
Мама не становится моложе.

08.10.2015

Монолог к прохожему

Эй, прохожий, не проходи
Мимо жалкой моей душонки!
Ведь среди многолюдной гонки
В этом городе я один.

Мне не милостыня нужна,
Хоть карман мой пустой и тощий,
А мой дом – у вокзала площадь,
Я подачками сыт сполна.

Посмотри на меня на миг,
Не дивись на мою ничтожность,
Лишь заметь, как в пыли дорожной
На твоём я пути возник.

Не гнушайся моих одежд,
Всех разящих дешевым пойлом.
Я был тоже когда-то щеголь
И, как ты, полон был надежд.

Пусть среди уличной нищеты
Люди лишь надо мной смеялись,
Я любил, и в меня влюблялись!
Столько видел я красоты!

Я имел свой любимый кров,
Пару сотен имел знакомых,
Каждый вечер летал по дому
Запах курева и духов.

Как я жил! На десятки верст
Про меня разносилась слава,
Обо мне знал и Бог и дьявол,
И завидовал даже черт!

Я любил! Было много их –
Разных женщин, смотревших томно,
Но из той череды огромной
Я запомнил всего троих.

Изветшавший давно тулуп
Не расскажет про это время.
В рвани дырок сокрыто бремя
О былом, и как был я глуп.

Что, прохожий, не веришь мне?
Насмехаешься, тычешь пальцем
В позаброшенного скитальца
И дичишься моих манер.

Был я значимый господин!
А сейчас от меня лишь тошно.
Все друзья затерялись в прошлом...

Стой, прохожий!.. Не уходи...

07.11.2015

Татьяне Куприянец

Там заросли травой места,
Где место свято помнит бой,
Там было время, где из ста
Вернулось двое лишь домой.

Там шли бои, там кровь лилась,
Там беспощадно гибнул враг.
Там плакал лес, и был лишь шанс
Победный водрузить свой флаг.

Там пахло смертью – не весной,
Природа плавилась в огне.
Был благодарен, кто живой.
Мертвец навечно побледнел.

Там с честью воина бойцы
Собой прикрыли землю-мать,
Там гибли братья и отцы,
Оставшись там навеки спать.

Река была красней зари
От крови чьих-то сыновей,
И только лишь надежды хрип
«Ура» к победе вел быстрой.

06.06.2015

Теперь там тихие места,
Везде поросшие травой,
Но шепчет небо, что из ста
Вернулось двое лишь домой.

Я, вероятно, спутала планеты,
Корабль посадив среди цветов.
Ах, как же трудно жить мне в мире этом,
Где столько лицемеров и лжецов!

Здесь искренность ты днем с огнем не сыщешь,
А честность стала редкой добротой.
Земля плодит вокруг душевно нищих
И с глупой этикеткой заводской.

Любовь пуста в огромном этом мире,
Здесь чувства – только зависть и расчет,
Здесь каждый запирается в квартире
На сто замков и ничего не ждет.

Гигантская бесчувственная масса –
Вот так я вижу весь земной народ!
Землянин не найдет для дружбы часа,
Для гордости и алчности – найдет.

Здесь нет родных, лишь выгода на блюде
Горячей пищей служит для землян.
Мне грустно – как несчастны эти люди!
Ведь вся их жизнь – один сплошной обман.

И только в голове моей сомненья
Из года в год нутро мое томят,
Что без ошибки тот корабль верный
В том самом месте посадила я.

09.06.2015

Счастье мое где-то под потолком,
Где-то над люстрой, под старой побелкой.
До потолка дотянуться легко,
Эта задача мне кажется мелкой.

Только стремянку иметь бы неплохо,
Ведь потолок – как-никак высота,
Ну а пока лишь приходится охать,
Что потолок просто так не достать.

Можно одеться и там, в магазине,
Ладную можно стремянку купить.
Но свою комнату я не покину,
Бродский учил меня не выходить.

Да и идти в магазин не годится –
Он далеко, за окошком – зима.
Знаю, ведь всякое может случиться!
Лучше зимою сидеть по домам.

Так и лежу на любимой кровати,
Взгляд устремив свой на тот потолок,
Руку тяну... Потолок, ты отвратен!
Ну почему от меня ты далек?

Можно попробовать встать и подпрыгнуть,
Но бесполезно же, черт побери!
С ростом высоким все можно достигнуть,
Только не с метром шестьдесят три...

Счастье мое где-то под потолком,
Где-то над люстрой, под старой побелкой.
До потолка дотянуться легко,
Только кажусь я себе слишком мелкой.

06.06.2015

Плохія саветы

Когда перекресток стоит на пути,
Всегда выбирай, где короче идти,
Прими свою лень как какой-нибудь знак
И жди – все однажды придет просто так.

Ты слушай других и всегда угождай
И, как попугай, ты одно повторяй.
А лучше не суйся вообще ни во что,
Ведь дома в кровати уют и тепло.

А если попросят тебя выбирать,
Ты выбери то, что удобнее взять,
И сделай, чтоб не был обижен никто,
И посомневайся, подумай раз сто.

Всегда будь как все, выделяться не смей,
Ученье забудь, ведь тебя нет умней,
Побольше болтай, подхалимствуй и лъсти.
Поверь, твой успех у тебя на пути!

И только под старость не смей ты грустить,
Что не с кем тебе даже поговорить.
Зачем тебе люди? Ведь ты и один
Все сделать сумеешь, здесь ты господин!

Кради и бесчинствуй, других презирай
И сплетни и слухи о всех распускай.
Забудь ты про совесть – то слабых удел,
Все добирай, что прибрать не успел.

P. S.

А если осталось хоть что-то внутри,
И пусть будет трудно, и путь твой бугристый,
Когда перекресток стоит на пути,
Ты сам выбирай, где захочешь идти.

Советов моих только слушать забудь,
Но знай: чем труднее и круче твой путь,
Тем дальше и выше ты сможешь дойти.
Желаю удачи на верном пути!

09.03.2015

Юпітэр

Мы паляцім з табою разам на Юпітэр,
Дзе зоркі зыркя чакаюць нас з табой.
Жыццё не вечнае, але на той арбіце
У нас і вечнасць будзе, і спакой.

Лісты мы з Марсу слаць з табою будзем
Ўсім тым, хто на Зямлі чакае нас.
Ў бязважкасці мы правілы забудзем
І весяліцца будзем увесь час.

Глядзець мы на Венеры будзем фільмы,
Пакуль кінамеханік не засне.
А потым там пасадзім апельсіны –
Усё магчыма будзе ў нашым сне.

На Сонцы мы з табой спячом пячэнне,
А на Меркурыі з табой яго з'ядзім.
Нам вечным будзе кожнае імгненне,
З табою мы праз космас паляцім.

Ты думаеш, што гэта нерэальна,
Але аднойчы ранкам мы з табой
Абавязкова паляцім на неба,
І зоркі пералічым мы з табой!

Калі ўжо скончацца ўсе нашыя хвіліны,
Пясчынкі часу спыняць свой імклівы бег,
Глядзець мы на Венеры будзем фільмы.
А можа, там шчаслівы чалавек?

18.02.2014

Мова

І няма раднейшага слова
За прасцейшае гэта «мова».
Гэта слова гучыць у хаце,
Дзе мая засталася маці,

Гэта слова гучыць на рэчцы,
На зарослай травой сцежцы,
Чую я яго ў небе блакітным
І ў звычайнай маёй рыфме.

Запытае мінак зайздросны:
«Ці ёсць у тым патрэбнае штосьці,
У гэтых словах, у гэтай мове?
Што такога ў гэтай размове?»

Усміхнуся і без адказу
Мінака я пакіну адразу.
Мая мова – маё багацце,
Няма мовы – і пуста ў хаце.

І не ведаць чужым слова
За прасцейшае гэта «мова».
Нават удалечыні ад дома
Гэта слова душы знаёма.

Яно ў сэрцы маім, дзе цёпла,
У вушах і ў думках розных.
Хай гучыць мая родная мова
Там, дзе дом, дзе ўсё сэрцу знаёма!

23.03.2015

КАРПІЦКАЯ Аліна

Нарадзілася 22 снежня 1995 г. у Віцебску ў сям'і мастакоў. З ранняга дзяцінства вандравала з бацькамі па Беларусі, Расіі і Украіне. Бацькі працавалі – малявалі, а я назірала і вучылася глядзець на жыццё і людзей з розных бакоў.

Малявала, займалася ушу, валейболам, навукай, тэатрам і літаратурай. Першы свой верш напісала ў шэсць гадоў, а бацька адразу ж паклаў яго на музыку, і атрымаўся раманс. Пасля ўдзельнічала і перамагала ў літаратурных і паэтычных конкурсах... Маімі ўлюбёнымі жанрамі былі вершы і казкі. З іх і склаўся мой першы зборнік «Стихия».

А пасля, калі я ўжо стала студэнткай філалагічнага факультэта БДУ, Фундаментальная бібліятэка разам з намі, пераможцамі конкурсу «Славянскі калейдаскоп – 2014», утварыла Клуб аматараў мастацкага слова «КЛУМБа», у якім знайшліся не толькі новыя неверагодна таленавітыя сябры, але і новыя шляхі для развіцця творчасці, дарэчы не толькі літаратурнай...

Троза

Сквозь гул машин и отблески реклам,
Вдоль парков и дорог, через мосты и скверы
Спешат укрыться люди по домам,
Когда завидят небо в темно-сером.

А я – наоборот – беру с собой
Свой старый зонт с давно погнутой спицей
И ухожу, прикрывшись тишиной,
В предгрозовой покой, где молкнут птицы.

И вся природа жаждет озаренья,
Она на пике мудрости и счастья.
Я там стою безмолвно, без движенья,
Как будто жду небесного причастья.

Вот-вот должно разверзнуться немое
И полное глухой угрозы небо.
Но в глубь него глядеть – оставь дурное!
Всему свой срок. Тебе – еще не этот.

И!.. Треском разорвало тишину,
И все вокруг наполнилось движеньем.
А я стою по центру и тону
В великом неземном благословенье.

И лоб, и плечи, и усталый зонт
Мне окропляет дождь из темно-серых,
Бесстрашно уходящих в горизонт,
Любимцев Перуна и Зевса с Герой.

А все вокруг теряет свой контраст,
И вновь привычна цветопередача...
А я надеюсь, что хоть раз, хотя бы раз
От восхищенья закричу, а не заплачу...

Нейкі дзіўны у лёса характар,
І жыццё, як шальное, ляціць.
Прывітанне ж табе, Альма-матар.
Нам цяперака разам ісці!

Прад табою з павагай схіляю
Сваю поўную дум галаву.
Прад людзьмі і сабой прамаўляю,
Як малітву, я клятву адну:

«Я клянуся на “Бівліі Рускай”,
Ты не будзеш увек шкадаваць,
Што прыклала да йлба майго вусны,
Блаславіла цябе праслаўляць.

Я клянуся, што з гэтай гадзіны
Кожнай справай пачну давадзіць:
Годных шмат ужо ты нарадзіла,
Але больш яшчэ мусіш радзіць!»

І таму абяцай гадаваць іх,
Уліваючы веды у кроў;
Зрабі часткай сябе, Альма-маці,
Сваіх вечных студэнтаў-сыноў!

Пиши, поэт!

Тане Курпрыянец посвяацетася

О чем мечтается поэту?
О мире мирном, без войны,
О взрывах хохота по свету,
О том, чтоб только с яблонь дым.

Чтоб вспоминать про век минувший,
Чтя память павших за народ.
Чтоб наконец от сна встряхнувшись,
Шагать без страха в новый год.

Чего так хочется поэту?
Здоровым быть и молодым,
Творить из снов и грез сюжеты...
И чтоб любить... И чтоб любим...

И чтоб ему хватило мощи
Зажечь и души, и сердца,
Чтоб если надо – то на площадь!
Чтоб если должно – до конца!

Не в том, не в том поэта счастье,
Чтоб ухо услаждать и глаз,
Но в том, чтоб вызвать соучастье,
Чтоб быть полезным. Это раз.

Второе счастье для поэта –
Помочь, направить, приструнить...
Чтобы читатель смог все это
Запомнить так, чтоб не забыть!

Не в громком голосе здесь дело,
Не в ярких, пламенных строках,
Но в том, чтобы строка задела!
Тогда лишь будет толк в стихах.

И ради этого мы пишем,
У нас порой слетает с губ
То, чем живем мы, и чем дышим,
И с чем пойдём на Страшный суд.

И нам ответ держать пред Богом
За сотни сотворенных бед.
Вдвойне их будет по итогу:
Что написали и что – нет.

Пиши, поэт! Не бойся кары!
Все это будет, но потом!
Сейчас у нас с тобой гитары,
Есть голос, есть что спеть. Споем?

Капли счета не знают. Мы в этом похожи –
Нас ведь тоже никто не считал.
Нас десятки, нас сотни, нас тысячи, может,
Похороненных кто где упал.

У нас нет ни имен, ни портретов, ни званий,
Наши жизни и смерть перевиты в одну.
Видишь вросший в окоп медальон с образами?
Он один нам на всех, как костер в старину.

Нам одна распахнула объятая земля,
Нас омыл и оплакал дождь.
Мы вросли в эти реки, леса и поля...
Что ж ты смотришь задумчиво? Молишься? Ждешь?

Не молись – нас уже отмолили с лихвой.
И не жди – мы не спросим: куда ты?
Только если когда-нибудь в чаще глухой
Встретишь кости – не брезгуй, прикрой их землей,
Молча рядом постой, помяни или спой,
В кого превратились солдаты...

Не бывает поэтов с душой стариков,
За одну жизнь душа не стареет.
Человек ни при чем – смысл природы таков,
А она всяко нас помудрее.

А чтоб правду рубить, нужен мощный запал,
Тут нельзя сединой отбрехаться.
Поэт может сказать, что иссяк и устал,
И ему уже не восемнадцать.

Но пока собирает он образ из снов
И картины творит словесами,
НЕТ! Не будет поэт стариком,
Хоть с седыми пойдет волосами.

Прощание с Сербией

Я здесь еще, пожалуй, задержусь,
А может, даже навсегда останусь
Куском души, стихами, эхом чувств,
Что в тех горах со звоном откликалось...

Мне поскорее хочется уснуть,
Чтоб вновь увидеть узкие дороги,
Далеких гор чернеющую муть
И кучки рыжих домиков на склоне.

Я влюблена в тот край монастырей,
Церквушек малых, звонких колоколен...
О, Сербия!.. Кто оказался в ней,
По возвращении оттуда ею болен.

И разве может быть не так,
Когда страна покрыта песней,
Когда не в ЗАГСах, а в церквях
В жен превращаются невесты...

Я помню все буквально по часам.
И ни секунды б там не изменила!
Кто был влюблен в места, тот знает сам,
Как в них все сердцу дорого и мило.

Главу склоню, благодаря
И обещая помнить всюду
О том, что есть ты у меня,
О том, что я у тебя буду!

Я верю в вас, святые!..

(Поэтическое рассуждение на тему
«Древнерусская агиография и современность»)

Я верю в вас, святые, и раньше, и сейчас.
И все слова сухие, чтоб говорить про вас.

Святой силен по духу, подвижник и аскет,
Живет в миру разрухи и терпит много бед.
Творец чудес при жизни, нетленный за чертой.
Сын, преданный Отчизне, – такой он, наш святой.

Борис и Глеб святые в принятии смертей
За все грехи России, уособицы на ней.
Святы в своем стремлении жизнь вечную обрести,
А славу, власть, богатство – за ценности не счастье.

Печерский Феодосий, юродивый старик,
С трех лет познал науку, боль власениц, вериг...
Он свят своей любовью, он ласковостью свят.
«Сторицей все вернется», бесы не победят.

Они чисты и святые, их жизнь – как у Христа;
По-своему распяты, и каждый – неспроста!

А я сегодня в шумном, бушующем «сейчас».
Мне и представить трудно, что будет в этот раз.

Нас жизнь трясет, вращает, кроит на новый лад,
И каждый раз прощает: мол, ты не первый, брат!
И крутит, по спирали вращая времена,
Чтоб мудро проживали ту жизнь, что нам дана.

Но снова жгут и режут... Опять идет война.
Уособицы все те же. И снова Русь больна.
А значит, пробудятся в ней соки молодые...
Я верю в вас, святые, ушедшие, живые!

Чароўныя вочы

Было цёмна і казачна ціха. Волечка ляжала, заплюшчыўшы вочы, і чакала, калі прыйдзе сон. За акном ледзь чутна пагойдваўся ліхтар, а разам з ім калыхаўся і слуп святла, у якім, быццам балерыны, круціліся сняжынкі.

Мала-памалу Волечцы пачало здавацца, што яна ў тэатры і што акно – гэта сцэна, ліхтар – пражэктар, а сняжынкі – сапраўдныя балерынкі ў хрупаткіх сукеначках.

Неяк незаўважна і крыху нечакана аднекуль з-пад акна пачулася ціхая чароўная музыка. Волечцы падалося, што яна складаецца з ціхуткага хрупату сняжынак, кранаючых шыбы; з танюткага посвісту святла, працінаючага цемру вуліцы; басы адбываў стары насценны гадзіннік: так-так, так-так...

У гэтым рытмічным танцы нараджалася прадчуванне чагосьці надзвычайнага, чароўнага, казачнага...

– Як цудоўна! Быццам у сне! – захоплена прашаптала ў цемру Воленька.

– Дык гэта і ёсць сон... – адказала цемра.

– А ты хто? – запыталася дзяўчынка.

– Я – Ноч.

– А чаму ты тут?

– Я прыйшла цябе скрасці...

– А навошта табе мяне скрасці? – зацікаўлена спытала Волечка.

– Хачу навучыць цябе бачыць казку! – адказала Ноч і раптоўна ўздыхнула. – Развучыліся людзі казку бачыць...

– Не, не, Ночанька, я навучуся, абавязкова навучуся, ты толькі не ўздыхай так больш, добранька? – пяшчотна прашаптала Волечка, абдымаючы Ноч за плечы. – Мы можам паляцець у казку сёння, зараз?

– А ці любіш ты бачыць незвычайнае ў звычайным?

– Люблю! А як гэта?

– Ну вось паглядзі на шкло. Мароз няблага папрацаваў, вунь якіх завітушак панакруціў! На што яны падобныя?

Крыху паглядзеўшы, павадзіўшы пальчыкам па сівых завітках і скрыжаваннях, Волечка разважліва адказала:

– На выцінанку. Ведаеш, Ночанька, нам у школе задавалі зрабіць выцінанку. На першы погляд гэта здаецца лёгкім, але калі возьмеш рукою паперу, ад дотыкаў пальцаў яна ажывае. На ёй з’яўляюцца такія пражылкі, як ад алоўка, але выходзяць яны быццам з глыбіні аркуша, быццам у яго ёсць душа, якая толькі таго і прагне, каб яе ўбачылі... Менавіта яе, своеасаблівую, непаўторную, не такую, як у іншых аркушаў! Гэтая душа быццам марыць аб тым, каб яе намалювалі, а потым выціналі і атрымалася б нешта паветрана-лёгкае, жывое, трапяткое...

– Я разумею цябе, Волечка! – ціха ўсклікнула Ноч, прапанавала палову свайго плашча, і пад музыку, якую так дэталёва расчула

дзяўчынка, яны вылецелі ў расчыніўшуюся перад імі, зацягнутую марознай выцінанкай фортачку. Ззаду заценькаў ледзь чутны звон соцень іголачак шэрані: гэта за апошняя складкай плашча сама сабой зачынілася фортка.

Яны ляцелі над горадам. Нават ноччу ён быў светлы ад дрыжачых электрычных ліхтароў. Нават ноччу не спыняўся гоман галасоў і машын. Але ўсё ж такі нешта няўлоўна змянілася. Промні рознакаляровага святла хоць і свяцілі, але не саргавалі замёрзлую зямлю.

– Ночачка, а Ночачка, што гэта пад намі?

– Твой горад.

– А чаму ён не казачны? – разгублена спытала Воленька.

– А памятаеш, што я табе абяцала? Навучыць бачыць казку, бо сама сабою яна нікому і ніколі не з’яўляецца. Казку трэба «запаліць». Дастаткова бывае для гэтага толькі кінуць позірк, толькі вымавіць слова, толькі працягнуць руку – і ты ўжо ў казцы. А іншы раз трэба ісці да яе доўга, шмат пражыць, сказаць і пачуць...

– А для мяне як?

– Паглядзім!

– Вай! – усклікнула Воленька, і разам з Ноччу яны апынуліся ў цэнтры вялізнага сумёта. Ускалыхнутая стайка сняжынак узвілася бязважкім парасонам над галавою, і, павольна рухаючыся ў такт ім адным вядомаму рытму, сняжынкі пачалі апускацца на саламяныя валасы і доўгія чорныя Волеччыны вейкі. На шчочках і далоньках яны амаль імгненна ператвараліся ў маленькія кропелькі.

– Прыплюшчы вочы, але не зусім, а так, трохі прыспусці павекі, – параіла Ноч.

Волечка паслухалася. І зрабілася раптам нешта незразумелае, неверагоднае і цудоўнае: кропля на далоні засвяцілася, быццам з непамернай глыбіні яе выпусцілі маленькі праменьчык сонца, які дайшоў да паверхні, але не мае права выбрацца за межы сваёй кроплі. А з глыбіні яе ўжо выплывалі пражылкі. Яны былі зусім не падобныя да папяровых, яны былі быццам сатканыя з вады і святла, непаўторныя, замыславатыя, танчэйшыя за павуціну! Яны выплывалі з глыбіні на паверхню і складаліся ў чароўныя вобразы ніколі не бачаных Волечкай мясцін і падзей.

Волечка не ведала, колькі часу яна так прастаяла, але кропля паспела распавесці ёй усю сваю гісторыю. Гэта кропля бачыла дыназаўраў, бачыла ўсю зямлю цалкам з вышыні самых высокіх

аблокаў, бачыла дзень і ноч, бачыла казкі і трагедыі, бачыла будучыню...

Усё гэта распавяла Волечцы кропля сваімі пражылкамі, якія Воленька так непасрэдна назвала душою. А напрыканцы, перад тым, як знікнуць, у ёй адбілася нешта дзіўнае, круглае і іскрыстае. Ужо зусім знікаючы, кропля нібы прашаптала:

– Назаўжды запомню!..

Волечка стаяла, баючыся больш за ўсё на свеце павесці вачыма: падавалася, што вось-вось гэты праменьчык вырвецца, выб'ецца ў вялікі свет і залье ўсё наваколле, і пачнецца дзень, і ўсім будзе радасна-радасна!..

Яна чакала гэтага, вусны яе самі сабою шапталі: вось-вось, вось!.. І адначасова з тым баялася, бо, калі святло гэта вырвецца, кропля разляціцца, разаб'ецца, як шкляны шарык, кінуты на падлогу. Кропля, тая кропля, што нарадзіла такі магутны свет! Гэтага не павінна было здарыцца, ёй нельга было знікаць!!! І таму вусны яе шапталі: не, не, не!..

Павекі дрыжалі, шчокі румяніліся, вусны шапталі, і таму Волечка ніяк не магла заўважыць, якім чароўным, амаль незямным святлом гараць яе ўласныя вочы.

– Вось яна якая, душа гэтай маленькай кропелькі! – перарывістым ад хвалявання шэптам працягнула Волечка. – І якая памяць!

– Узнімі вочы! – амаль загадала, але таксама шэптам, Ноч.

Волечка паслухалася і ледзь не закрычала ад захаплення: адусюль, на што б яна ні паглядзела, выходзілі на паверхню «пражылкі»: дрэва, магутнае і цёмнае, неяк засвяцілася знутры і праз старую, растрэсканую і пашэрпаную кару праступіла маладая, поўная радасці і жыцця душа – залатыя з зялёным пражылкі. Неба, зацягнутае шэрымі хмарамі, асвятлялася аднекуль з нетраў космасу, і яго пражылкі пачалі нагадваць маршчынкі на далонях. Апошні ліст, які ледзьве трымаўся на нізкай галінцы, успыхнуў сіва-карычневым: яго састарэлая душа радавалася, што вось-вось адарвецца ад аднаго месца, на якім ён прасядзеў усё жыццё, і панясецца гуляць з ветрам у даганялкі, пападарожнічае перад тым, як стаць зямлёю, а потым ізноў лістом ці (хто ведае!) цэлым дрэвам!

Кожны лёс і кожная душа разгортваліся перад Волечкай настолькі лёгка і шчыра, што дзяўчынка не магла трымаць у сабе

гэта вялізнае шчасце і таму смяялася, а ад яе смеху «пражылкі» разгараліся ярчэй і ярчэй.

Раптам Волечка стала сур'ёзнай і велічнай.

– Аднясі мяне дамоў, калі ласачка, Ночачка. Я хачу зараз заснуць, а калі прачнуся, я ўсё гэта намалюю...

Ноч моўчкі захінула яе плашчом, заляцела праз фортку, зазвінеўшую іголачкамі шэрані, паклала дзяўчынку на канапу, правяла рукою па валасах і прашаптала:

– Спі...

Вочкі Воленькіны заплюшчыліся, але святло, тое святло, што раскрывала перад ёю душы, не знікла, а Ноч яшчэ доўга сядзела ля ложку і, не верачы сабе, успамінала гэтыя вялікія круглыя іскрыстыя вочы, якія назаўжды паабяцала запомніць вечная кропля...

Начная дарога

Я ехала па цёмнай і амаль пустой дарозе. Зрэдку насустрач, як зямныя зоркі, набліжаліся фары і, успыхнуўшы ў апошні раз дзесьці зусім блізка, назаўсёды знікалі, пакідаючы ў вачах доўгую белую палоску, чым замацоўвалі сваё падабенства да камет.

Ужо было цяжка разгледзець штосьці за акном, акрамя роўнай, высвечанай фарамі дарогі і мільгаючых знакаў. Спакой і цішыня – добрыя суседзі, калі жадаеш пасядзець недзе ў адзіноце, адпачыць і памарыць, але начнога вадзіцеля яны вельмі хутка пачынаюць хіліць у сон. І ўсё ж я люблю начную дарогу. Гэта нават не прастора і час – гэта стан душы. Але так складаней за ўсё: стан, у якім не можа быць аніякіх сакрэтаў, і ў першую чаргу ад сябе.

А я ехала, напоўненая пачуццём нейкай урачыстай узнёсласці. Ціхуткая музыка, што нараджалася з-пад колаў, нагадвала ўверцюру да новай казкі, якую мне прапанавала ноч.

З неба глядзеў амаль поўны месяц, загорнуты, як у мантню, у неба з мільёнамі зорак. Свяціў мала, але каёмка лесу блакітнай стужкай свяцілася недзе ўгары.

Мне раптам падалося, што паветра зараз павінна быць нейкім надзвычайным, працятым сумненнем і развітальнай пяшчотай военьскай ночы. І я апусціла шкло.

Пах вільготнай дарогі, апалага лісця, далёкага дыму і яшчэ чагосьці няўлоўна-роднага, блізкага, знаёмага і любага з дзяцінства закружыў галаву і прымусіў спыніцца.

Я выйшла на вуліцу і, абшыўшы некалькі разоў машыну, надыхаўшыся гэтым п'яным паветрам, у якім плавалі зоркі і выцінанкі павуціны, спынілася, задраўшы ўгару галаву і раскінуўшы крыжом рукі... Стаяла і глядзела ў неба. Проста, як у вочы на іконах. І неба, такое мяккае і бясконцае, глядзела на мяне безліччу сваіх вачэй-зор. І здавалася, што яны такім жа самым чынам углядаліся ў мільёны маленькіх вадзіцеляў, якія раскінулі рукі і пыталіся аб нечым у бясконцай вышыні.

Не, я нічога не пытала. І нічога не прасіла. Я нават не ўглядалася, толькі глядзела, бо гэтага было дастаткова, і не існавала на Зямлі нічога больш паўнавартаснага за гэтую нямую размову ні аб чым. Неба ведала ўсё, што я магу яму сказаць, і само магло растлумачыць мне нашмат больш, чым змагу ўразумець... Мы адчувалі гэта і маўчалі, бо не знаходзілі ў гэты момант аніводнага адпаведнага слова...

Я прыціскалася да гэтага цёмна-сіняга паветра. Якое ж яно ў той час было роднае, моцнае, салодкае!.. Здавалася, адпыхніся нагамі ад зямлі – і паплывеш, пагойдваючыся на нябесных хвалях... Бо зараз гэтае неба было толькі маё: у гэты час і ў гэтай кропачцы свету, магчыма, аднойчы ў жыцці мы паядналіся з ім, зразумелі адно аднаго ад пачатку і да канца.

А пасля ўсё знікла. І неба, і паветра, і зоры, і дарога – усё стала звыклым і агульным зноў. Я вярнулася ў машыну, запусціла мотор і, паступова набіраючы хуткасць, рушыла наперад. І толькі калі замільгацелі, спачатку нясмела, а пасля ўсё ярчэй і ярчэй, агеньчыкі горада, калі насустрач мне паляцелі адна за адной машыны і тая першародная цішыня згубілася ў гарадскім гомане, які не спыняецца нават ноччу, – толькі тады я здолела знайсці слова, каб абазначыць тое бязмежнае пачуццё – ЛЮБОЎ...

КАШКЕВІЧ Раман

Нарадзіўся 12 снежня 1996 г. у Ваўкавыску. У 2014 г. скончыў сярэднюю агульнаадукацыйную школу № 7 і паступіў на ваенны факультэт БДУ. Пачаў пісаць у 15 гадоў. Асабліва паўплывалі на творчасць творы М. Лермантава, Н. Новікавай і Л. Вараб'ёвай.

В людей не верю я давно,
Не знаю, что такое братство,
Любви не верю заодно,
Вокруг меня фарс и злорадство.

Как часто вы, играя роли
И маской света прикрываясь,
Друг другу животы пороли,
При этом честно улыбаясь!

В людей не верю я не зря,
Кругом царят жестокость, гнев,
Друг друга предают, хитрят,
Все добродетели презрев.

В людей не верю я давно.
Угасла дружбы диадема.
Я знаю точно лишь одно:
Когда души ужасный демон

Сокроется личиной света,
И где-то в выси, в небесах
По лику ангела рассвета
Печально скатится слеза.

Осень

Когда сентябрь сады украсит
Чудной, невиданной листвой
И засияет на закате
Вода на старой мостовой,
Когда после веселья лета

Закружит листья ветерок,
Отраднo ли душе поэта?
Напишет ли он пару строк?

Ведь о поре о той красивой,

Что люди осенью зовут, –
Кому унылой, кому милой –
Повсюду пишут и поют.

Один поет, что осень – сладость
Поспевших яблок и вина.
Другому – книги, думы, тягость
И одиночество сполна.

Но мнится мне: сия пора –
Не только хмарь, дожди и листья.
Быть может, это детвора,
Что в парке городском резвится?

Не замечали ль вы, когда,
Дожди кляня на светофорах,
Спешите с зонтом по делам,
Природной прелести, задора?

Не кажется ли вам, друзья,
Что улыбаться нужно чаще,
Что осень наша, как дитя,
Нам дарит и добро, и счастье?

Открою, люди, вам один
Секрет, который точно знаю:
Мы то лишь видим, что хотим.
Не видим то, что не желаем.

В пальцах человека тлела сигарета,
В мраке ночи танцевал тусклый огонек.
Человеку в жизни было мало света.
Он боролся, но его мрак уж обволол.

Все, что он любил, исчезло разом,
Испарилось, будто сигаретный дым.
И все стало как-то вдруг неважным;
Рядом никого, лишь ночь над ним.

В пальцах человека сигарета тлела.
Росчерки морщин избороздили лоб
И открытый взор. Такие смотрят смело
И дерутся до тех пор, пока не лягут в гроб.

Ночь всегда хранит чужие тайны,
Не понять, шутя или всерьез.
Вдруг сверкнул в руке его револьвер прохладный –
Вечный занавес желаний или грез.

КАШТАНАЎ Канстанцін

Нарадзіўся 14 ліпеня 1993 г. у Мінску. З 2011 г. навучаўся на ваенным факультэце БДУ па спецыяльнасці «Псіхалогія». У 2015 г. перайшоў на факультэт філасофіі і сацыяльных навук БДУ. Пісаць вершы і ўвогуле сачыняць пачаў вельмі даўно, настолькі, што зараз ужо немагчыма і ўспомніць. У вольны час граю на гітары. Люблю экстрэмальныя віды спорту.

Дом, родное и теплое место,
В котором есть кофе и чай.
В нем из самого лучшего теста
Лепится наш единственный рай.

Дома поймут и согреют
От обид и невзгод этих дней.
Там найдут и укроют
От дождей и грустных степей.

Там просыпаешься словно бы новым,
Спокойным и тихим, как в детстве.
И все кажется, как раньше, огромным,
И знаешь, ты в лучшем на свете месте.

Дом – это сила и мудрость,
В нем готовы все слушать тебя.
Там не знают слов «злость» и «скупость» –
Таким является дом для меня.

Он теплый и нежный, самый любимый,
Главный на свете во все времена.
Самый лучший и самый красивый –
Дом, где родное все, навсегда.

Да, может быть, он странный,
Пропитан злостью, как смолой,
И вечно тайный, многогранный,
В протест мотает головой.

Да, может быть, надменный,
Самоуверенный, как черт,
И вечно неизменный,
И образ его стерт.

Он стоит тысяч миллионов,
Ведь он успел понять,
Что мир сгибается от стонов,
Но так не хочет умирать,

Что люди больше уж не те
И лишь огонь подарит очищение.
Он разгорится вдруг во мгле
И миру даст освобождение.

КІМБАР Андрэй

Нарадзіўся 26 верасня 1993 г. у гарадскім пасёлку Варапаева Пастаўскага раёна Віцебскай вобласці. У 2011 г. скончыў Варапаеўскую сярэднюю школу і паступіў на гістарычны факультэт БДУ. У старэйшых класах школы захапіўся гісторыяй Беларусі, а праз яе беларускай мовай і культурай. Яшчэ ў школе пачаў пісаць вершы, большасць з якіх прысвячаў і прысвячаю зараз сваёй каханай дзяўчыне. Вершы друкаваліся ў часопісах «Польмя», «Маладосць», а таксама ў выпуску літаб'яднання пры рэдакцыі газеты «Пастаўскі край».

Прайшло даволі часу ад сустрэчы.
Як выглядалі Вы, забыўся я даўно.
Хоць спадзяюся: будзе яшчэ вечар,
Калі зайграе ў келішку віно.

Мы будзем мовіць пра былое,
Успомнім і былых сяброў.
І будзе свята мне малое.
Вы ж потым з'едзеце дамоў.

Чакае там каханы, любы,
І, можа, нават люлечка вісіць.
А я яшчэ не зведаў шлюбу,
І злева нешта ціхенька баліць...

У чаканні навальніцы

У горадзе вецер і шэрае неба,
Здаецца, што бура пачнецца вось-вось.
А я так чакаў, мне было так патрэбна,
Каб дождж змыў вадою мой смутак і злосць.

Я буду ісці па алеі ў самоце
І буду спяваць тузін сумных хітоў.
Давайце, давайце, хутчэй жа праходзьце,
Часы марных песень, скалечаных слоў.

Маланкаю неба асветліцца раптам,
А шум навальніцы мне дасць па вушах.
І келіх маркоты, асушаны залпам,
У кроў пакрысе прынясе боль і жах.

Лісты

Пішыце лісты, адпраўляйце паштоўкі,
Дзе почыркам вашым пісаўся радок.
Пішыце асадкай, пішыце алоўкам.
Глядзіце, каб толькі чыгтаўся лісток!

Спявайце прыгожыя песні, спадарства,
На працы, у душы, каханым, сабе.
Няхай у чароўнае музыкі царства
Штодня вас сцяжынка з тых песняў вядзе.

Любіце людзей, пашанцуе – кахайце,
Ды так, каб нікому не здроціць душу.
Заўсёды дарогу давайце вы праўдзе.
Ніколі не трэба ж узводзіць мяжу.

01.06.2012

Музыкі

Музыкі гралі пад мастом.
Матыў павольны ды жалобны.
Гучала музыка без слоў.
На ціхі стогн была падобна.

На стогн самотнае душы,
Якая знікла ў лабірынце
Штодзённых спраў. Яна крычыць:
«Даволі, людзі, хопіць! Кіньце!

Навошта вам збіваць мяне?
Навошта трэба катаваці?
Чаму заўжды быць у вязьме?
Адна я супраць шэрай раці...»

Музыкі гралі пад мастом
Матыў павольны ды жалобны.
Душа крычала вам без слоў.
Пачуць яе не кожны здольны.

06.07.2014

Свіслач

Люстэрка вады перарэзала хвалі,
Адбітка нябёсаў у ім больш няма.
Як быццам незбалансаваныя шалі,
Знайсці раўнавагу не можа вада.

І толькі, здаецца, спакой надышоў,
Як раптам з-пад моста ампірнага катар
Імчыцца, наладзіўшы з бурбалак шоў
і проста праз поўню праклаўшы фарватар.

Ах, Свіслач, радзімай сталіцы рака,
 Табе прысвячалі шматлікія вершы.
 Нясеш свае воды павольна ў вяках.
 Гляджу на цябе кожны раз, быццам першы.

Як толькі заплюшчваю вочы,
 То бачу твой вобраз заўжды.
 Вось так вось і гэтаю ноччу
 Мне зноўку прыснілася ты.

Здавалася, ранкам вясновым
 У садзе сустрэліся мы.
 Сагрэтыя сонцам лагодным,
 Там вішні духмяна цвілі.

У лёгкай сукенцы з бавоўны
 Ты крочыла поруч са мной.
 Я слухаў твой голас чароўны
 І страціў ад шчасця спакой.

Мы крочылі далей і далей,
 Як раптам вар'ятам я стаў:
 Сагрэты юрліваю хваляй,
 Пяшчотна цябе цалаваў.

Адчуў аксаміт тваёй скуры
 І смак пацалункаў тваіх.
 Зліліся мы хвалямі юру,
 І свет існаваў для дваіх.

Ды раптам ты знікла, растала –
 То ранак знянацку прыйшоў.
 Я веру, што сон стане явай.
 Надзею мне дорыць любоў.

Імітацыя

Імітую
 штодня, штохвіліны.
 Разумею –
 так быць не павінна.
 Адчуваю,
 што згублены ў гульнях.
 Забываю
 на слова «ўтульнасць».

Імітую
 сустрэчы, спатканні.
 Прыдумляю
 прызнанні ў каханні.

Прыгадаю
шмат розных жаданняў.
І трапляю
ў багну ваганняў.

Імітую
я з Ёй пацалунак,
бо жадаю
знайсці паратунак.
Прамаўляю
імя ў раз соты.
Засынаю,
і мроіцца дотык...

Апантанасць

Гэта было не каханне,
Гэта была не любоў.
Вострая прага спатканняў.
Ночы няспраўджаных сноў.

Плыні імклівага юру,
Вершы – змяшалася ўсё!
Гонкіх эмоцыяў бура
Трушчыла, біла жыццё!

Гэта нібыта вар'яцтва,
Быццам хвароба мазгоў.
Зрэшты, таму так юнацтва
Лепей у статку гадоў!

То не была закаханасць,
Нават не жарсць то была.
Гэта была апантанасць!
Крылы яна мне дала...

КОРЗУНАЎ Дзмітрый

Нарадзіўся 28 лістапада 1972 г. у Крупках Мінскай вобласці. У 1992 г. скончыў Мінскі палітэхнікум па спецыяльнасці «Вытворчасць прамысловых робатаў». Зараз завочна вучыся на ФФСН БДУ па спецыяльнасці «Філасофія». Вершы пачаў пісаць са школьнай парты. Станавіўся пераможцам раённых конкурсаў паэзіі, арганізаваных адміністрацыямі Фрунзенскага і Цэнтральнага раёнаў Мінска. Друкаваўся ў часопісе «Белая вежа». Перакладчык з персідскай мовы. Удзельнік музычнага гурта «Персія». Пераможца конкурсу «Перевод персидского рассказа» (мастацкі пераклад, 1-я прэмія, верасень 2015 г.) і XII Міжнароднай універсіяды па персідскай мове (студзень 2016 г.), якія арганізавала культурнае прадстаўніцтва пры пасольстве Ірана ў Маскве.

Перерождение

Сегодня буду бело умирать
 С надеждой на забытую мечту
 И начисто из жизни вырывать
 Всю скверну, нечисть, грязь и темноту.

Сегодня буду ярко умирать,
 Убив в себе гордыню на корню,
 А зависть уложу навеки спать
 И злость в железный обруч закую.

Сегодня буду в прошлом покидать
 Похожие бессмысленные дни
 И за собой спокойно оставлять
 Дороги и сожженные мосты.

Сегодня буду с жадностью искать
То вечное, что заставляет жить.
Ведь это страшно – жизнь свою проспять
Или терзаться: быть или не быть?

Сегодня будет сердце ликовать...
Ведь завтра я проснусь и не найду
Все то, что из себя решил изгнать,
Все то, что так терзало суть мою.

Цветом по серости

Взрослеем... Забываем сказки,
Не верим больше в чудеса,
Закончились цветные краски,
Остались серые тона.

И кадры черно-белой жизни,
Слагаясь в километры лент,
Порабощают наши мысли
И закрывают солнца свет.

Воспоминания о прошлом
Нас душат, словно едкий дым,
Смешалось все в коктейле сложном,
Который мы испить хотим.

Казним себя, терзаем души,
Страдаем и все время ждем,
Что завтра, может, будет лучше,
И послезавтра, и потом.

День завтрашний уже сегодня
С тобою можем мы начать,
Давай возьмем цветные краски
И просто будем рисовать.

Моя Беларусь

Беларусь, страна родная,
Край озер, лесов, берез.
Здесь земля моя святая,
Где родился я и рос.

Воздух радостно вдыхая,
Делал первые шаги,
Неуверенно ступая
По траве родной земли.

Здесь на радость маме милой
Слово первое сказал,
Девушке своей любимой
Сердце навсегда отдал.

Здесь всегда светлее небо,
Дождь теплее, чище снег,
Здесь поля родного хлеба,
Красота изгибов рек.

Родники с водою чистой,
Песни звонких соловьев,
Аромат травы душистой,
Нежность синих васильков.

Связаны одной судьбою
Мы с тобою, Беларусь.
Тем, что здесь живу, не скрою,
Бесконечно я горжусь.

Надежда

Нам надоело воевать –
Мы слишком долго воевали.
Так может, лучше помолчать?
От этих споров мы устали.

Мечтами жили мы с тобой,
Все идеально было в мире,
Пока горел любви огонь,
Пока нужны друг другу были.

Казалось все нам чудным сном,
И было так легко и просто.
Но обернулось небо дном,
И все ушло бесповоротно.

Пытались вновь мы все вернуть,
Мы так поправить все пытались,
Искали наш тот прежний путь,
Но, видно, плохо мы старались.

А может, слишком мы горды
И ждем чего-то друг от друга?
Давай же вспомним наши дни
И подадим друг другу руки.

Печаль-подруга

Загорелся закат, гаснет день,
Постучалась Печаль в мою дверь.
Постучалась опять, как вчера,
Ну, давай, заходи, раз пришла.

Здравствуй, Печаль, нежеланная подруга,
Здравствуй, Печаль, ну, давай поговорим.
Ты не мечтай, я не буду твоим другом,
Слышишь, Печаль? Стану завтра я другим.

Что во мне ты нашла? Расскажи,
Чем я нравлюсь тебе? Не молчи.
Но в ответ тишина, как всегда;
Я опять не усну, не до сна.

Столица

Наш Минск, любимая столица...
Простор проспектов, площадей,
Вокруг приветливые лица
Прохожих: жителей, гостей.

Из года в год растут кварталы,
Светлей становятся дворы,
Где раздается неустанно
Смех неумной детворы.

Под Минским куполом небесным
Прекрасны ночи и заря;
И все здесь кажется чудесным:
Сам город, люди и земля.

Наш Минск, наш мирный, чистый город,
Ты был спокойным не всегда,
Ты знал разруху, голод, холод,
Когда сюда пришла война.

Расскажут о страницах важных
Немиги красной берега:
На звон щитов полков отважных
Слетались тучи воронья.

Здесь для кого-то теплый вечер
Стал роковым концом весны;
И плакали так долго свечи
Горячим воском на цветы.

Сквозь неустанный ход столетий
Путь Минска-града был непрост:
Хватало бед и лихолетий,
Но город развивался, рос.

Наш Минск, ты самый лучший город,
Тебе – все добрые слова,
Так будь всегда красив и молод,
Как белорусская душа.

Если рядом нет тебя

Ранним утром предрассветным
Выйду солнце я встречать,
Высоко на темном небе
Будут звезды догорать,
Скоро солнце золотое
Засияет над землей,
Одного сейчас хочу я:
Чтобы ты была со мной.

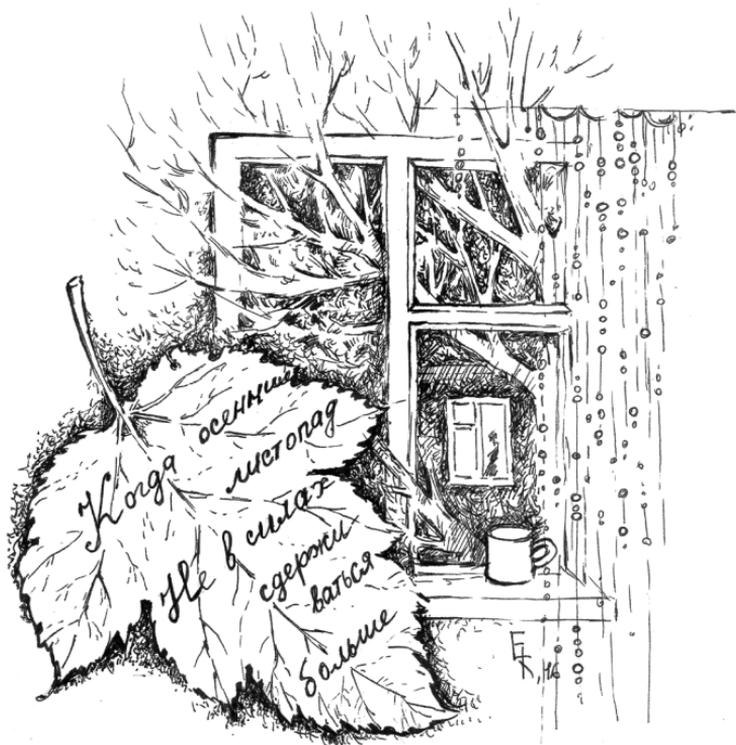
Поздним вечером я выйду
Звезды первые встречать,
В горизонте неизбежно
Будет солнце утопать,
Темнота опять густеет,
Прогнан день куда-то прочь,
На душе моей пустеет...
Кто же сможет мне помочь?

Так к чему же это утро,
Так к чему же та звезда,
Так к чему же это солнце,
Если рядом нет тебя?

О нас

Когда внезапный летний дождь
Свою излить захочет душу,
А солнце, чтобы не мешать,
Смущенно спрячет лик святой,
Я тихо стану у окна
И абсолютно не нарушу
Такой знакомый мне пейзаж:
И гениальный, и простой.

Когда осенний листопад
Не в силах сдерживаться больше
И осень щедро раздает
Свой золотой запас листвы,
Ты тихо станешь у окна,
Немного погрустишь о прошлом,
О том, что больше не вернуть,
И о потерянной любви.

Когда снежинки-мотыльки
Порхают умиротворенно,
А спящая земля лежит
В небесной чистоты коврах,
Стоять мы будем у окна
Вдвоем, вздыхая обреченно,
Стоять на разных этажах,
В домах, что в разных городах.

Когда весенние ручьи
Так нежно землю пробуждают,
Как поцелуем по утрам
Обычно будит Он Ее,
Мы вместе будем наблюдать,
Как птицы с юга прилетают;
Какое счастье для людей:
Смотреть вдвоем в одно окно.

Сон

Было так: однажды ночью
Я услышал чей-то плач,
Словно душу наизнанку
Выворачивал скрипач.
Сразу видно: очень больно,
Кто-то плачет от тоски,
Ясно, что кого-то давят

Дней безжалостных тиски.
Почему же я, счастливый,
Беззаботный, как дитя,
Вдруг ловлю себя на мысли,
Что там где-то плачу я?
Почему мне тоже больно?
Вроде нет причин грустить.
Почему меня так тянет
С кем-нибудь поговорить?
И услышал я внезапно
Чей-то голос там, внутри:
– Эй ты, парень, что с тобою?
Это ты ведь плачешь, ты!

КУПРЫЯНЕЦ Таццяна

Нарадзілася 26 ліпеня 1993 г. у Мінску. У 2010 г. скончыла сярэдняю школу № 43, а ў 2015 г. – фізічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Лаўрэат літаратурных конкурсаў «Славянскі калейдоскоп» (2014, 2015), конкурсу, прысвечанага 70-годдзю вызвалення Мінска (2014), Мінскага гарадскога конкурсаканцэрта «В нас, моладых, асколкі той войны», прысвечанага 70-годдзю Перамогі (2015), пераможца Рэспубліканскага конкурсу маладых паэтаў Беларусі – 2015 у намінацыі «Что помнит мир спасённый?», міжнароднага конкурсу «Русская речь» (Масква, 2015). У 2015 г. выйшаў уласны зборнік «Отзвуки памяти». Шэраг вершаў апублікаваў часопіс «Белая вежа». Удзельніца калектыўных зборнікаў «Гэта наша з табой перамога» і «Мой дзень пачынаецца» (2015).

Цікаўлюся фізікай, гісторыяй Вялікай Айчыннай вайны, ваеннай справай, музыкай... Жыць стараюся сумленна.

А ты помніш, как град рассекал пожелтевшую душу,
Как внезапно средь лета на землю спустилась зима,
Как стояли мы рядом, не смея молчанье нарушить,
Как касанье в слова переплавилось: «Ты мне нужна»?

Не забыл и ответ, с губ со скоростью мысли слетевший:
«Забирай! Я люблю! Только помни, что я – этот мир:
Я не мыслю себя без полей и прогалинок здешних,
Мне не нужен для счастья богатый вульгарный кумир,

Ведь богатство сокрыто в дыханье и внутренней силе,
В грозном шквалистом ветре и в бурных потоках дождя...»
Мы с тобою вдвоем этот мир до безумья любили,
По дорогам ухабистым рядом неспешно идя.

Мы вдыхали пропитанный влагой весеннею воздух,
Мы ловили сверчков на вечерней заре в коробки,
Мы осенней порой любовались на яркие звезды,
А зимой, словно дети, со смехом играли в снежки.

Без конца я тебе благодарна за то, что услышал,
Что почувствовать смог этот ритм, осознать и принять,
Что мы вместе любовью святой, а не ревностью дышим...
Ни на что это чувство вовек не смогу променять!

Тот, чей бой – оборона

До последнего хрипа, последнего стога...
Век чужого не надо, свое б отстоять.
Побеждает всегда тот, чей бой – оборона,
Кто сражаться готов за последнюю пядь,

Тот, кому к отступленью пути перебиты,
Тот, за чьею спиной крепостных нет валов...
Доблесть этих людей станет лучшей защитой,
Судьбы жен тех людей станут судьбами вдов.

Стойкость этих людей воплотится в граните,
Их дела, что так малы и столь велики.
На минуту пред этим гранитом замрите
И ладонью коснитесь гранитной руки.

Их гранитная кровь в наших плещется жилах,
Города наши с их вырастают могил...
Кто оружие в руки берет ради мира,
Тот уже победил.

За своих

Мы во все времена за своих неустанно сражались
И последним делились в тугие года нищеты.
И всходил урожай, и ворожки мечи затуплялись
Об огонь наших глаз и о дружбы стальные щиты.

Мы тащили упрямо друзей до ближайшей воронки,
С губ стирали кровавую пену – и снова шли в бой,
Чтобы бились сердца и назло, вопреки похоронкам
Те, кто ранен был, тоже могли бы вернуться домой.

Мы писали: «За друга – вперед!» на своих фюзеляжах,
И вершилась в воздушном пространстве великая месть.
И прочней, и сильнее не сыскать на Земле экипажей
И заставить забыть свои цель и маршрут не суметь.

Погибали в горах, за друзей принимая осколки –
И вселялась в них наша горячая жаром душа.
Мы делили паек и палатку, и банку тушенки
Мы по кругу съедали на всех с одного штык-ножа.

Нам порой не понять, кто за что в этом мире дерется:
Кто за деньги с ресурсами, кто за непрочную власть.
Мы другим дорожим, чтим иное и, если придется,
За друзей и любимых отважно пойдем воевать.

Ведь во все времена за своих неустанно сражались
И последним делились в тугие года нищеты.
И всходил урожай, и ворожки мечи затуплялись
Об огонь наших глаз и о дружбы стальные щиты.

Цена земли

Мы ступаем по мягкой траве,
Пульс ее замечая едва ли.
Что ж... Лишь с жизнью прощаясь навек,
Люди больше всегда замечали...

Но взгляните: как чиста роса –
Будто слезы в глазах приоткрытых,
Что за тайны скрывают леса,
Как земля в своем теле хранит их...

Нашу землю вскормила война,
За нее умирать не скупилась.
Разве в деньгах теперь ей цена,
Разве деньги несут справедливость?

Справедливость в другом состоит:
Продолжая традицию старших,
Каждый метр отбитой земли
Называть по-старинному нашим.

И, ладонь к чернозему прижав,
Сознавать удивительно цельно:
Каждый пройденный огненный шаг,
Каждый камень и листик – бесценны.

В этом мире до боли все просто:
Ничего, что шинель не по росту,
Вот гранаты и вот ПэПэШа,
Вот рубеж – подле леса межа,

Вот приказ – не сдаваться без боя,
Вот друзья, что стрельбою прикроют,
Запад – спереди, сзади – восток,
Вот подснежника робкий росток,

Вот весенняя первая птица...
Кровь шальная по венам струится,
Рвется тело с теплом поженить –
И отчаянно хочется жить,

Понарошку с ребятами драться –
Мне сегодня как раз восемнадцать,
Но кругом лишь окопы да смерть.
Я досрочно успел повзрослеть.

Минута молчания

Родившись в миг победного салюта,
Всю скорбь в отрезок времени вобрав,
На Землю тишиной легла минута,
Проникла в души, разлилась в сердцах.

Минута необъявленной печали,
Минута четырехгодичных слез.
Минута... Даже птицы замолчали...
Меж двух эпох воздвигла память мост.

Минута непосеянной пшеницы,
Минута ненаписанных стихов,
Минута неуспевших пожениться,
Минута недостижных берегов,

Минута неродившихся и павших,
Минута тех, кто до сих пор в пути...
И я считаю высшим долгом нашим
Минуту эту детям донести –

Минуту нестираемой печали,
Минуту задымленных, горьких вех...
Чтоб наши дети тоже замолчали –
И через год, и два, и через век.

Металл медалей

Где сквозь крыльцо взошли кленовые стволы,
Закрыты двери были всем грядущим вьюгам,
Закрыты двери были вьюгам дней былых,
Каким бы жалостным ни изводили стуком.

Медали лишь холодным грузом на окне,
Снежинкам внемля за стеклом глухим, лежали.
Но растревоженный металл в груди краснел
Латунной надписью «За взятие Варшавы».

Фугас. Пробитие. За танком дымный шлейф.
Огонь ужалил, по лицу неожиданно шорхнув...
Металл медалей мог бы лопнуть, не стерпев,
Как с треском лопается кожа от ожогов.

Металл медалей сетью трещин мог пойти,
Как загрубевшее, истерзанное сердце
От правды жалящей: один, опять один,
А так мечталось средь зимы письмом согреться!..

А так хотелось быть живым наперекор
Судьбе, зиме, войне и выгоревшим нервам –
Любить, как прежде, беззаветно, глубоко,
Быть для родной своей единственным и первым.

Но равнодушно извлекали доктора
Из тела мелкие осколки цепкой стали.
Прогноз печальный: «Не оправится от ран» –
И бессмысленная жизнь влилась в медали.

Зима выносит свой пожизненный вердикт,
И оседает тихо снег в ближайшей роще...
Металл медалей ледяной былым искрит,
Когда хозяин отличает их наощупь.

Про планету Земля

На планете Земля океаны, и горы,
И безлюдных пустынь золотые поля,
Острова и пещеры, леса и озера –
На огромной планете Земля.

На планете Земля в непрерывном движении
Все – от магмы кипучей до крыльев шмеля.
На секунду замри – сразу станешь мишенью
На жестокой планете Земля.

На планете Земля страны рельсами шиты,
Дырки штопают в суше винты корабля.
Здесь дорогами тысячи жизней прожиты –
На бескрайней планете Земля.

На планете Земля есть создания – люди.
Им нужны идеалы, слова, вензеля.
И глядят они каждый сквозь призму иллюзий
На родную планету Земля.

И ужиться не могут в одном подпространстве,
И свинцом поливают друг друга, кляня.
Власть и сила – конечные цели их странствий
По искрящей планете Земля.

Люди выбрали войны, но смотрят на звезды,
Каждый вечер исправно на ложе стеля
Подле новых мечтаний несвежую простынь
В небоскребах планеты Земля.

А из космоса звезды сигналият мерцаньем,
Пролетают кометы, хвостами пыли.
И нет дела до точки в глуби мирозданья –
До далекой планеты Земля.

Может, жизнь во Вселенной не так уж и редка
И найдет нас корабль чужеземцев-мирян?
И в архивах их странствий возникнет заметка
Про чудную планету Земля.

Сплетаю музыку

Я музыку сплетаю из металла –
Металла струн и загрубевших пальцев.
Аккорд, другой... Струна струну догнала
И тотчас перестала колебаться.

Я музыку сплетаю из фарфора.
Прозрачен звон и отзвуками добрен –
И кружевным точеным перебором,
И бьющимся фарфоровым аккордом.

Сплетаю ноты кожей и гортанью
Из сказочных подручных материалов
И, паузу взяв, неистово мечтаю,
Чтоб пряжа никогда не иссякала.

И кровь моя, и плоть, и боль, и трепет –
Все в этом жадном, бешеном плетенье.
И голос из слезинок звезды лепит,
Что торят путь сквозь миражи и тени.

Золотом света усеяны стены.
Красные розы. Уверенный тенор
Мнет перебором святую любовь.
Голосом бархатным, нежно-слащавым,
Всем восхищаясь и все ей прощая,
Ворохом мягким сточившихся слов.

Волосы, руки. Кошачьи повадки.
Слился с гитарою. Женщины падки,
Падки на струн обнажившийся лоск.
«Самой красивой и самой прекрасной» –
Взгляд приглушенный, таинственный, страстный.
Самая – каждая. Так повелось.

Каждой за вечер залечит все раны,
К каждой отыщет подход филигранно.
Важна охота и важен улов.
Разве таким быть пристало мужчине?!
Тонны презренья момент расщепили
На мириады несбывшихся снов.

Чары разрушаны. Пел бы, спесивый,
Ты про ветра, про бои и про силу.
В мед – не поверю, пустая игра.
Ложь обещаний и роз несуразна.
Что ж замолчал ты вдруг, омутоглазый?
Спой про лихие бои и ветра.

Спой про ветра, их глотками измерив,
Спой про ветра – и, быть может, поверю.
Слов же избитых, пустых не терплю.
Счастье на вечер? – Будь этого выше...
Может, в тебе я мужчину увижу
И не на вечер – на жизнь полюблю.

Родному БГУ от выпускницы

На исходе последнего года
Я люблюсь былым сквозь ресницы.
Эти лестницы и переходы
Будут вечно мне сниться.

Как зимой восходящее солнце
Над кирпичной стеной ректората
Мне сияло румяным червонцем,
Так вернуться я рада.

Поступала сюда – не гадала,
Как изменится жизнь, что затянет,
Что наш корпус ни много ни мало
Новым домом мне станет,

Что друзей обрету здесь надежных,
В ресторан превратится столовка,
И что тонны задачек пресложных
Буду шелкать я ловко.

БГУ... Вечереет... Все тише...
Я люблю тишину твою слушать.
Для меня и для тысяч таких же,
Без сомненья, ты лучший!

Главный корпус... Твои интерьеры
Суть гранитные глыбы науки...
Здесь, особой дыша атмосферой,
Приложу к стене руку –

И воскреснут дорогой в сегодня
Дней минувших истории, даты:
План, фундамент... Работа на Сходне...
Мир... Открытья, награды...

Трехлинейка с музеем напомнят,
Сколько люди труда приложили,
Чтобы жили мы счастливо, вволю,
Чтобы нас здесь учили,

Чтоб сиял лучик, греющий душу,
Из физических лабораторий,
Чтобы мир хрупкий не был нарушен,
Чтоб не ведали горя.

БГУ! Я всем сердцем желаю
Новой, светлой и радостной эры,
Чтоб студенты тебя воспевали
В первом шаге карьеры,

Чтобы сплачивал ты, как и прежде,
Сотни разных, талантливых судеб –
Белорусских и из зарубежья –
Все прекрасные люди!

Пожеланье скреплю звездопадом...
А сейчас предо мной новый выбор.
Но вернуться всегда буду рада!
БГУ!..

Я – в дорогу...

Спасибо!

МАСАЛОВА Аліна

Нарадзілася 13 снежня 1994 г. у г. Бабруйску Магілёўскай вобласці. З дзяцінства займалася вакалам, танцамі, вучыла мовы, шмат падарожнічала. У школе актыўна ўдзельнічала ў мерапрыемствах, выступала на канцэртных пляцоўках горада. Падчас вучобы на факультэце міжнародных адносін БДУ набыла ўпэўненае жыццёвае крэда: «Ёсць мара – зрабі яе рэальнасцю». Актыўна ўдзельнічаю ва ўніверсітэцкіх конкурсах і фестывалях, прачнуўся інтарэс да перакладу літаратурных твораў.

ХУАН ИГНАСИО МАКОНЬО АЛЬБА **«Из далеких странствий я иду к тебе...»**

Холодной ночью этой
Твоя душа мою украла незаметно,
Воспоминаний оставляя ленту.
Как вместе научились единить в один по два момента.

И вот навстречу путешествиям готов бежать,
Лететь по воздуху, как беззаботный мотылек в тиши,
Но не могу найти, что сможет удержать,
Ни самолета гул, ни стон машин.

Позволь же попрощаться – вот моя рука.
Ты навсегда мой сладкий поцелуй,
Мой чуткий аромат прекрасного цветка.
Своею лаской и улыбкой напоследок побалуй.

Все это неспроста, а чтоб по возвращеньи показать,
Что можем вместе быть мы вновь.
Чтобы однажды я при встрече смог сказать: «Моя любовь,

С далеких странствий я иду к тебе».
Лишь вместе, чтобы быть навек,
Когда ход месяцев в года перерастает в бег,
Когда даже последний вздох не стал бы разлучать,
Я верю, все это неспроста, и благодарен я судьбе
За то, чтобы однажды я при встрече смог сказать:
«Любимая, с далеких странствий я иду к тебе».

Перевод с испанского

МУЗЫЧЭНКА Уладзіслаў

Нарадзіўся 10 студзеня 1996 г. у Магілёве. Там прайшло дзяцінства. Вучыўся ў 2-й гімназіі. Займаўся эстрадным вакалам у тэатры-студыі «Вясёлка», класічнай гітарай, бальнымі танцамі. Лаўрэат рэспубліканскіх і міжнародных вакальных конкурсаў, конкурсу чытальнікаў памяці К. Сіманава. Свае першыя вершы і музыку напісаў яшчэ гімназістам. Пасля заканчэння гімназіі паступіў на юрыдычны факультэт БДУ. Паралельна закончыў Нацыянальную школу прыгажосці, працую мадэллю. Саліст вакальнай студыі БДУ.

Час ляціць, успамінаў боль;
Думкі выкралі мой спакой.
Цішыня, толькі ўсё крычыць:
Што рабіць далей? Што рабіць?

Каб памылак не паўтарыць;
Каб мінулым далей не жыць.
Не баяцца бегу хвілін;
Крок галоўны зрабіць адзін.

Іду па жыцці
Бясконцай алеі.
Туманная смуга
Схавала мой шлях.

Я падаю – з гэтага
Толькі мацнею.
Калі падымаюся –
Боль у вачах.

Не ведаю, колькі крокаў
Адмераў
Мне лёс.
І не трэба яно.
На твары – усмешка,
Бо ў сэрцы ёсць вера.
Ёсць вера –
У цемры святло.

Іду па жыцці,
Мой напрамак – наперад.
Яго не вачыма,
А сэрцам чуваць.
Удалечыні
Бачу казачны бераг.
Той бераг, якога
Ў жыцці не спазнаць.

Знікае туман,
Лісце з клёнаў злятае.
Іду па жыцці,
І мяне не стрымаць.
Пакуль я жывы,
Я штосьці шукаю.
Я штосьці шукаю,
Каб гэта аддаць.

НАКАНЕЧНАЯ Фаіна

Народзілася 10 снежня 1993 г. у Слоніме. Вучылася ў ліцэі № 1 г. Слоніма ў класе з філалагічным ухілам. Зараз студэнтка факультэта журналістыкі БДУ па спецыяльнасці «Міжнародная журналістыка».

Першыя сур'ёзныя творы, якія я напісала ў ліцэйскай газеце і «Слонімскай газеце», – казкі для дзяцей. Не ведаю, чаму вырашыла пісаць менавіта казкі. Гэта само сабой неяк атрымалася. Увечары я села і за некалькі гадзін напісала казку: «Умный совет» пра кемлівага хлопчыка, які правучыў іншых хлопчыкаў-

шкоднікаў. Супрацоўнікам рэдакцыі «Слонімскай газеты» вельмі спадабалася мая казка, і яны запрасілі мяне пісаць на дзіцячую старонку кожны месяц. Так я пісала ў «Слоніmsкую газету» на працягу чатырох гадоў. Амаль штомесяц на дзіцячай старонцы з'яўлялася нешта за маім подпісам: казка, апавяданне, інэrv'ю, рэпартаж.

Зараз галоўным чынам пішу артыкулы ў медыяцэнтры БДУ і ў *Press Club Belarus*. Працавала інтэрнам у Германіі, Швецыі, Украіне.

Крылы над сланечнікам

Я памятаю, што тады ішоў дождж. На вуліцы было шматлюдна: усе хацелі хутчэй схавацца ад непагадзі ў сваіх цёплых дамах. Тады я ўпершыню заўважыў яе – дзяўчыну з доўгімі валасамі, падобнымі да марскіх хваль. Яна не бегла, як усе іншыя, – толькі ўсміхалася кроплям, што падалі з неба...

Памятаю: тады я ўпершыню ўбачыў яе слёзы. Яны былі празрыстыя і чыстыя, як той дождж. Я хацеў даведацца, чаму яна пла-

ча, падышоў і спытаў: «Чаму такая прыгожая дзяўчына плача? Не лепш ёй будзе пайсці дадому?»

– Не, не лепш. У мяне няма дому, – адказала яна.

– Не трэба так гаварыць! – не стрымаўся я і дадаў: – Калі вы пасварыліся са сваімі бацькамі, дык ведайце: яны заўсёды будуць вас любіць (тады чамусьці я ўспомніў сваю маці) і даруюць вам усё.

– Не, вы мяне не зразумелі, – усміхнулася яна. – У мяне няма мамы, таты, братоў – усіх, каго вы, людзі, называеце сям'ёй.

Тады я падумаў, што гэтая дзяўчына – сірата. Але чаму яна гаварыла «ўсіх, каго вы, людзі, называеце»?..

«Можа, яна звар'яцела ці нават збегла з бальніцы, ходзіць пад дажджом і плача...» – разважаў я.

Але калі паглядзеў на яе адзежу, заўважыў, што дзяўчына была добра апранута: модныя джынсы, майка, на якой намалеваны нейкі рок-гурт, на нагах – кеды. Усё адзенне было новым, відаць, з дарагіх крамаў.

Тады я заўважыў, што і постаць яе вельмі зграбная... І ва ўсім яна вельмі прыгожая дзяўчына – не скажаш, што дурніца ці вар'ятка...

– Доўга яшчэ вы тут будзеце мяне разглядаць? – незадаволенна спыталася яна.

– Чаму вы так гаворыце? – вінавата адказаў я. – Можа, вы мне падабаецеся, вось і гляджу.

– А вы мне – не, – адказала яна. – Вы самы звычайны хлопец. Вы шосты, хто падышоў да мяне і сказаў, што я яму падабаюся.

– А хто-небудзь з вашых «лічбаў» спытаў, чаму вы плачаце? – я паглядзеў ёй у вочы.

– Не, вы першы... – яна апусціла вейкі, а потым вінавата прамовіла: – Вы не такі, як іншыя, але, прабачце, мне трэба ісці, я спазняюся ў інстытут.

– Толькі скажыце, як вас завуць? Мы ўбачымся?

– Мы ніколі больш не ўбачымся, – адказала яна і ўскочыла ў дзверы аўтобуса, якія тут жа зачыніліся.

Я не спаў тры дні... Я нават перастаў есці. І тады маці сказала, што я закахаўся. Але я нічога не мог ёй адказаць, бо ведаў, што больш ніколі не ўбачу дзяўчыну, якая стаяла пад дажджом.

На чацвёрты дзень мне прысніўся сон: іду летам па полі, а яно ўсё ў сланечніках, якія цягнуцца вышэй за неба; а насустрач ідзе яна – мая дзяўчына, ідзе ў белай празрыстай сукенцы, што нават свеціцца ад цёплага сонейка; яна адварочваецца ад мяне, і я бачу святло ад яе плячэй, бачу яе крылы. Яна падыходзіць да мяне, абдымае за плечы, а я цалую яе, і няма на свеце шчасця, большага за гэтае.

...Прайшло ўжо шмат часу пасля таго сну. У мяне ёсць дзеці – сын Міхась і дачка Джулія. А калі я кажу сваёй жонцы пра мой даўні сон, яна ўсё смяецца, гладзіць свае доўгія валасы-хвалі і адказвае:

– Я не дазваляла бачыць табе маіх крылаў, нават у сне, мой «шосты».

ПЯТРОВІЧ Ігар

Нарадзіўся 23 чэрвеня 1995 г. у Полацку. Скончыў сярэдняю школу № 10 імя В. М. Азіна г. Полацка. Зараз студэнт гістарычнага факультэта БДУ. Удзельнік клуба Полацкага народнага літаратурнага аб'яднання «Наддзвінне». Друкаваўся на старонках газеты «Полацкі веснік», у некаторых выданнях «Наддзвіння», часопісе «Белая вежа» і газеце гістарычнага факультэта БДУ «НИКА». Пішу вершы і прозу, у асноўным на гісторыка-патрыятычныя тэмы. Лічу, што менавіта дзякуючы нашай шмат-векавой гісторыі мы жывём і ўваскрасаем як усходнеславянскі народ...

Палотчина

По белорусской стороне,
По городам, по всей Отчизне
Ходил я много. Не во сне
С людьми беседовал о жизни.

И не встречал я никогда
Народов, равных полочанам!
Ведь привязали нас года
К надежным полоцким причалам!

Не горделивы, но горды –
Здесь дух кривичский и поныне
Живет в сердцах без суеты,
В духовной крепости-твердыне.

Софii Полоцкoй кресты
Порой по-прежнему сверкают,
А к Спаским храмам все мосты
Ведут. Молиться призывают

Церквей святыя купола
И гoлoс славнoй Ефросиньi –
Она не злилась, не лгала,
И мы стараемся такими

На протяжении веков,
Не прерываясь, оставаться!
И кто сумеет, тот готов
Ее потомком называться!

Встречаем с радостью гостей –
И с тихой грустью провожаем...
Не сыщешь тут дурных вестей!
Со всей душою приглашаем

Мы всех желающих сюда,
В край рек, берез, дубов и елей!
Вас встретим весело всегда
Под звуки соловьиных трелей!..

Извозчик-дипломат

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?

А. С. Пушкин

...От северных морей до среднеазиатских степей, от Беловежской Пуши и до американских берегов раскинулась великая держава – Российская империя. Как много на этой земле синих рек и голубых озер, бескрайних полей и зеленых лугов, непроходимых болот и дремучих лесов. Однако не только природой богата земля русская! В течение множества столетий Святая Русь давала отпор всякого рода незваным гостям. Приходили сюда и половецкие ханы, и немецкие кнехты, и польские паны, и монгольские воины, но все они возвращались ни с чем! А в начале девятнадцатого столетия у великой империи появились новые враги. Пришедший к власти во Франции Наполеон Бонапарт мечтал о мировом господстве. Он на костях многих государств Европы построил свою державу, свою империю, которая была не менее могучей, чем Российская. Из жителей многих покоренных стран Бонапарт сформировал огромное и сильное войско, назвав его «Великой ар-

мией». Были там и польские легионы, и немецкий корпус, и испанцы, и итальянские соратники французского императора. И вот в тысяча восемьсот двенадцатом году эта армия во главе с Наполеоном Бонапартом вступила в пределы России. Для нашего народа началось еще одно испытание, во имя прохождения которого приходилось проливать кровь, а порой и отдавать жизнь. Все население великой страны начало вести священную борьбу за мир, за Родину, за святую Православную Веру...

В первые же дни войны вражеское войско столкнулось со многими трудностями. Настоящей скалой на его пути стала русская армия! У стен древнего града Полоцка был закрыт путь захватчикам на столицу России – город, построенный государем Петром Великим. Четыре долгих месяца наши доблестные воины-богатыри держали оборону Бобруйской крепости, тем самым не позволяя врагам осуществлять свои хищные замыслы.

Но как бы упорно русские полки ни сопротивлялись, какой бы героической наша оборона ни была, успех сопутствовал Бонапарту. До самой Москвы пришлось отступать славянскому солдату. А под пятой иноземца оказалась довольно большая часть Российской державы. Захватил враг и Подмоскovie, и Смоленщину, и литовские края, и святую Белую Русь. Однако и теперь не было спокойствия силе черной на русской земле! Любящие свое Отечество и преданные ему до конца горожане становились разведчиками. Они добывали нужную и полезную информацию для русских генералов, оказывали регулярной армии посильную помощь. Но не только города сражались с оккупантом! Крестьяне тоже не собирались терпеть мародерство и издевательства французов, а также многих помещиков, которые в надежде спасти свою шкуру стали служить наполеоновцам. Вся Русь взялась за косы и топоры!

...Когда об отступлении российских полков и о приближении бонапартовских полчищ проведали жители смоленских деревень, то сразу же разбежались. Кто-то ушел вместе с нашими солдата-

ми, кто-то принял решение стать партизаном. Однако в маленькой деревушке с красивым русским названием Новоселки все-таки остался один мужичок. Его сердце было очень сильно привязано к родной землице, и он понимал, что не сможет прожить и дня без нее. Этот человек был извозчиком, но отчасти занимался и земледелием. Каждое утро он вставал ни свет ни заря, запрягал свою лошадь и выезжал в город. В пути всегда любовался широкими елями, стройными березками, пением жаворонков. А перевозя разных проезжающих господ, он часто вел с ними беседы, благодаря чему стал знать многих проживающих в округе помещиков. Звали этого общительного, веселого и любящего Отечество извозчика Семеном Силаевым. За всю свою долгую жизнь он сроднился с Новоселками, корнями врос в малую родину. Поэтому у него не было выбора: уходить от захватчиков или оставаться. Крестьянин был готов ко встрече с оккупантами, он не боялся и смерти...

А тем временем в соседнем селе Воронцово, что находилось в трех шагах от Новоселок, рыскал французский отряд. Враги мечтали взять город Белый, где, по их предположениям, силы русских были очень слабы и победа над ними не представляла особого труда. Одно только мешало наполеоновским прихвостням – дороги к заветному месту не знал никто! Однако для бывшего помещика Рачинского, который, изменив государю императору, возглавлял сей французский отряд, это обстоятельство не являлось проблемой.

– Мы должны прочесать всю округу, провести осмотр близлежащей местности! – говорил он своим помощникам. – Наверняка найдется какой-нибудь здравомыслящий холоп, знающий путь в Белый. Он и укажет его нашему войску.

– Но, месье Рачинский, – воскликнул один офицер с явным несогласием, – вы что, не знаете русских? Они же всегда преследуют какие-то свои непонятные цели, не соглашаются нам оказывать помощь. Слыхали, один недавно руку себе отрубил в ответ на предложение Наполеона стать солдатом Великой армии! Может, не стоит зря тратить время на еще одного сумасшедшего?

– Стоит, поручик, стоит! – произнес командир отряда. – Ведь все крестьяне издревле в России живут в нищете, еле сводят концы с концами. Именно в этом и будет заключаться наш успех! Мы

потрясем перед мужиком золотом – он поведется и сразу же всех и все выдаст. Мало того, этот холоп может даже и лично провести нас к городу!

– Но нужен ли он нам, месье Рачинский? Я имею в виду город. Это же мы только думаем, что там мало казаков, а вдруг их там тысячи? Отряд-то наш невелик!

– Ничего, обо всем дознаемся от какого-нибудь мужика! Задача только одна: найти его! Ведь я ни одной живой русской души пока не видел в этих местах. Что ж, приказываю заняться поисками вам, месье поручик! Итак, через два часа передо мной должен стоять русский мужик! Живой! Выполнять!

– Будет исполнено! – вытягиваясь во фронт, произнес офицер, после чего вскочил на коня и поскакал...

Не прошло и двадцати минут, как перед Рачинским предстал русский крестьянин, связанный по рукам. Бывший помещик был поражен проворством поручика, в столь короткие сроки выполнившего приказ.

– Вы молодец! – сказал он. – Справились несравненно быстро! Но кого же вы мне привели? Посмотрите: перед нами оборванец! Во что он одет? Один тулуп, шапка да лапти! Только гляньте на бороду этого мужика! Он, скорее всего, ни разу не брился. Ну что мы можем услышать от него?

«Эх ты, сукин сын! – Семен Силаев, который и являлся этим оборванцем, был переполнен ненавистью к предателю. – Забыл, небось, как я тебя в Смоленск возил! А я-то по сей день помню твою пьяную морду. Тогда ты на чистом русском языке меня к матери посылал, а сейчас только по-французски говорить изволишь... Что ж, ваше сиятельство, посмотрим, чего вы дознаетесь от меня!..»

– Что вы, месье Рачинский! – гордо ответил поручик своему командиру. – Он же до войны извозчиком был. Сам мне об этом сказал! А извозчик так уж точно сможет указать нам дорогу! Кстати, наверняка этот холоп и вас неоднократно возил. Эй, мужик, не

довелось тебе знать этого гениального человека? – спросил он у Семена, указывая на бывшего русскоподданного.

– Нет, барин, не знаю я его, – произнес крестьянин. – И не дай бог иметь дело с таким сатрапом.

– Что ты себе позволяешь?! – прикрикнул офицер. – Ко мне нужно обращаться «месье поручик»! И командир наш никакой не сатрап, а настоящий дворянин!

– Ну зачем же вы так грубо, месье! – вдруг перебил поручика Рачинский. – Это же русский мужик! Он всю жизнь провел в своей телеге, так ничего и не увидев, ничему не научившись. С ним нужно обходиться помягче, – после чего шепотом добавил: – Пусть этот оборванец говорит все, что ему стрельнет в голову! Минуты-то его сочтены, ибо как только войдем в Белый, извозчик будет сражен пулей доблестного французского воина!

– Вас понял, – прошептал поручик и вслух сказал: – Что ж, приступим к допросу. Слушай меня внимательно, холоп! На все вопросы будешь отвечать четко, внятно и правдиво! Для этого мы с одной стороны от тебя поставим солдат с заряженными ружьями, а с другой будет находиться мой денщик, держащий в руках целый колпак, наполненный золотыми монетами. Лично я буду каждое твое слово переводить на французский язык, дабы его превосходительство понимали, о чем идет речь. Скажешь правду – получишь деньги, станешь лгать – потеряешь жизнь. Итак, начнем!

«Я вам такое скажу, месье, – думал Семен, – что вы сами во-сво-яси отправитесь!»

– Скажи, – начал офицер допрашивать, – насколько велик царский казачий отряд, занимающий город Белый?

– Где-то тысяч двадцать, ваше скобродие, – остро ответил русский патриот.

– Врешь, старик! – мерзким голосом вскричал офицер. – У царя и всего столько нет!

– Что ж, преувеличил я немного, – спокойно произнес Семен. – Не двадцать, а немного меньше. Около десяти тысяч. А вообще я не знаю точного числа, месье поручик! Но точно ведомо: много тамо казаков!..

– Его слова очень похожи на правду, – с ярко выраженным сожалением произнес Рачинский, после чего по-французски задал извозчику вопрос: – А как лучше пройти в город – через Свиты или сквозь Чичаты?

Как только поручик перевел эти слова на русский язык, Семен воскликнул:

– О чем вы говорите, мосье? Дороги на Белый очень неудобные: на Свиты – непроходимый мох, а близ Чичат лежат большие леса, и владеют оными наши партизаны! Они вас в этих местах всех перебьют. Помяните мое слово!

Речи Семена Силаева очень огорчили врагов. Подумали они, посоветались, немного поспорили – и решили на Белый не идти, а вернуться обратно. Крестьянину же французы денег не дали, но и не сделали никакого вреда...

...Возвращавшегося домой Семена переполняла радость. В городе-то ведь на самом деле не было ни одного казака, а только мирные жители, нашедшие там убежище от вражеских полчищ. И дороги на город были замечательными! Но наш извозчик не мог себе позволить стать предателем, наводчиком французов. Свои друзья, которых в Белом находилось немало, и соседи, скрывающиеся от оккупантов, были ему дороже всего. Поэтому поступив так, Семен Силаев спас многие жизни простых русских людей. Пусть же имя этого человека не умрет никогда! Пусть этот извозчик, которому невольно пришлось стать дипломатом, будет настоящим примером и нам, и всем нашим потомкам!..

Городу Мінску

Многоэтажки, церкви и каплицы,
Великолепный «сталинский ампир»...
Стоят дома на улицах столицы
И смотрят на кипящий жизнью мир,

А люди мимо в спешке проезжают,
Бегут и спорят где-то о своем,
Но красоты, увы, не замечают,
Хоть в Минске и прелестен каждый дом!

Приятно прогуляться по проспекту –
Скорины имя раньше он носил;
Приятно по земле – не по паркету –
Пройтись – увидеть край, что сердцу мил.

Не могут глаз не радовать чудные
Святые храмы, в колокол звеня,
А стены факультетские родные
Магнитным притяжением меня

К себе всегда влекут – и призывают
Историю народов постигать!
И я совсем, пожалуй, и не знаю,
Как этот дух словами описать...

Хоть по рождению, право, не минчанин,
Однако этот город я люблю
Как белорус, как тихий полочанин, –
За земли предков Господа молю

И понимаю все же без сомнений
В осенней лунно-солнечной тиши,
Что минский край прекрасных впечатлений
Есть часть моей задумчивой души!..

РОЎДА Кацярына

Народзілася ў 1988 г. у в. Адамова Валожынскага раёна Мінскай вобласці. Скончыла прафесійны політэхнічны ліцэй г. Маладзечна. Замужам. Маю шасцігадовага сына і паўгадавалую дачушку. З'яўляюся супрацоўніцай Фундаментальнай бібліятэкі БДУ і навучаюся на філалагічным факультэце БДУ. У 2014 і 2015 гг. была лаўрэатам літаратурнага конкурсу «Славянскі калейдаскоп», які праходзіў сярод студэнтаў БДУ. Друкавалася ў газеце «Універсітэт», саюзнай газеце «Белая вежа» і часопісе «Вожык», альманахах «Сафія» і «Дзьмухавец». На пачатку 2016 г. пры падтрымцы мінскага гарадскога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі ў серыі «Мінскія маладыя галасы» выйшаў мой першы зборнік вершаў пад назвай «Водар белага наліву». Апошнім часам пішу ў асноўным на беларускай мове.

Жыве Караткевіч

Нятленнай любоўю да роднай краіны
Гарэў, не шкадуючы сілы.
Ён чуў, як галосыць нямыя руіны.
Ён бачыў, як плачуць магілы.

На мове дзядоў, што душу акрыляла,
Пісаў асаблівых рэчы,
Каб памяць народная не задрамала,
Каб годнасць не спала на печы!

Каб нашыя дзеці таксама пачулі
Святое, выключнае слова,
Што грэе так цёпла, бы рукі матулі,
Каб ведалі, што ёсць аснова.

Праз вершы, аповесці, п'есы, раманы
І нават звычайныя казкі
Ён ведае і свет нёс, нібыта абраны,
І ўсё паспяваў, з Божай ласкі.

Відаць, адчуваў, што кароткаю будзе
Жыццёвая стужачка-сцежка,
Служыў сваёй справе, Айчыне і людзям
Да самай апошняй усмешкі.

Славуты герой беларускай зямліцы,
Выдатны, заслужаны дзеяч!
Жыве яго спадчына, нібы крыніца.
А значыць – ЖЫВЕ КАРАТКЕВІЧ!

Восень

Намалявала восень новы
Надзвычай казачны пейзаж!
Я не магу прамовіць слова
Ад прыгажосці, што наўсцяж.

І хай не вельмі сонца грэе,
Я завяжу прыгожы шаль...
Цярушыць дожджык, вечарэе.
Мяне чакае дзіўны баль.

Туману вэлюм пад нагамі,
Лістоты фарбы, ліхтары...
І думкі ў вальсе кружаць самі
Ад чараў восеньскай пары.

Я гэтым чудам наталюся,
З палёгкай светлай уздыхну
І радаснай дамоў вярнуся,
Дзе да паўночы не засну:

Вазьму аловак, сшытак новы,
Прысяду, лямпу прытушу...
І гэта ўсё невыпадкова.
Я не паэт, але пішу.

О, Восень, як ты адчыніла
Душы іржавыя замкі
І сэрца соннае натхніла
На незвычайныя радкі.

Дапамагла мне пазабыцца
Тугі. Адразу стала лепш.
Каб змог нарэшце нарадзіцца
Яшчэ адзін жаданы верш.

Мова

Жытнёвая, льняная, васільковая,
Бы ягадка суніцы, сакавітая,
Ты смачная, гаючая, вясковая
І важная, але крыху забытая.

Багатая, прыгожая, адзіная,
Такая мілагучная, чароўная.
Я прагну чуць цябе, маю радзімую,
Усведамляць, што ты ў нас найгалоўная.

Каб бераглі цябе і не цураліся
І светлым шляхам стала сцежка вузкая,
Грыбным дажджом па краі рассыпаліся
Жывінкі-словы мовы беларускае...

Не перадаць, як востра мне жадаецца,
Каб загучала смела, не ўпаўголаса
Святая, што ні з чым не параўнаецца,
Чароўнай песняй сэрцаў мова Коласа!

Жытнёвая, льняная, васільковая,
Бы ягадка суніцы, сакавітая.
Салодкая, жывучая, вясновая...
Я веру, што не станеш ты забытаю!

Мой любы дзед

Мой любы дзед, мой слаўны ветэран,
Пра службу мовіць быў ты не ахвочы.
А колькі ў сэрцы незагойных ран,
Мне расказаць змаглі хіба што вочы.

Я зазірнула ў гэту глыбіню:
Там горкіх слёз нявыплаканых мора,
Там рэкі болю, жалю і агню,
І дзікі крык, і, безумоўна, гора.

Быў сціплым, медалі ты не насіў,
Ты наш герой, табою ганаруся!
Дзяцей, унукаў, родны край любіў,
Дастойны сын матулі-Беларусі.

Разумны працавіты чалавек...
Балюча, родны, што цябе не стала.
Прайшоў вайну, пражыў амаль што век.
А я цябе так рэдка абдымала...

Я прычакаю новую вясну
І, як заўжды, прыйду да абеліска,
Каб не забыць пра страшную вайну,
Што так далёка і адначасова блізка,

Каб разам з землякамі памаўчаць
І памяці герояў пакланіцца,
Каб нам такога ж пекла не спазнаць,
Пра гэта буду ціха я маліцца.

О, водар белага наліву!
Ці можа што з ім параўнацца?
Такі салодкі і манлівы,
Навек у сэрцы змог застацца.

О, незвычайны водар мяты,
Бы подых брацеўкі-вятрыскі.
Лісточак пакладу ў гарбату –
І родны дом, здаецца, блізка.

О, непаўторны водар хлеба,
Што нам бабуля выпякала.
І лёсу дзякую, і небу,
Што гэты хлеб я каштавала.

Так, час не спіць – бяжыць рупліва.
І што ні дзень, то перамены.
Мне шмат не трэба – жыць шчасліва.
І не забыць бы водар сена,

Падворақ родны, сцэжкі тья,
Дзе колісь басанож гулялі.
І рукі родныя, святыя,
Што нас з братамі гадавалі.

О, успаміны, успаміны...
Асацыяцыі, адценні...
Без вас – ніяк. Без вас – загіну.
Мой родны край – маё натхненне...

Па небе ціха зоркі рассыпаліся,
Бы хтосьці дзіўны расцілаў абрус.
І музыкай у сэрцы адгукаліся
Твае напевы, продак-беларус!

Спяваў бярозкам вецер калыханачку.
А я сядзела ціха ля акна.
І бэзу куст, што вырас каля ганачка,
Шаптаў мне: «Не сумуй, ты не адна!

З табою Вера, Мова твая родная,
Сям'я і Праца, талент і сябры.
Здаровая, здаецца. Не галодная.
Вось гэта ўсё – бясцэнныя дары».

Пайшла па сцежцы я, слязінка пакацілася,
Ды ветрык-брацейка сагрэў мяне, абняў.
Я ціха-ціха Богу памалілася...
Каб тое, што я маю, не адняў...

У акенцы гэтым
Ёсць святло ўвячорку.
Дроў паленцы ў печы
Ціхенька трашчаць.
Хата гэтай бабкі
Ў вёсцы, на пагорку,
Стаіць сабе ціха,
Смеху не чуваць.

Моліцца да Бога,
Сочыць у акенца,
А ў суботу зноўку
Выпячэ пірог.
Ды зашчэміць жалем
Той матулі сэрца,
Што яе наведаць
Зноў ніхто не змог.

Тут павырасталі
І сыноч, і дочкі.
Сем'ямі сваімі
Ў гарадах жывуць.
А яна штовечар
Праглядае вочкі:
«Можа, хто прыедзе?..
Можа, забягуць?..»

Усё роўна любіць,
Злосці не трымае,
Хоць бязмерна крыўдна
І душа баліць.
Маці сваіх дзетак
Кожны дзень чакае.
Ды закрыта брамка...
Тэлефон маўчыць...

Упрошваў цэлы дзень Алёшка маму:
«Матулечка! Вазьмі з сабою ў краму.
Мне б толькі пахадзіць і падзівіцца,
Не папрашу ні цацку, ні гасцінца.

Я паслухмяны буду, абяцаю,
З падлогі ўсе машынкі пазбіраю!
Пакункі табе несці памагу я.
І сам усе урокі падрыхтую».

Алёшка прывалок абутак, куртку.
Сабраўся – і стаіць сабе ціхутка.
Маленькі тварык свеціцца ад шчасця:
Згадзілася узяць з сабою маці.

Дадому прыпляліся аж пад вечар,
Набыўшы вельмі шмат «патрэбных» рэчаў.
Прысмакаў розных маці накупляла,
Таго, чаго зусім не планавала.

Затое ў сына ёсць канструктар новы,
Прыгожы мячык рознакаляровы,
Зефір, цукерак безліч, мандарыны.
Алёшка ж у яе сыноч адзіны!

А Ён да кожнага ў Сусвеце дакранецца.
І знак падасць, і проста супакоіць.
Таго, хто верыць, да святла імкнецца,
Вадой звычайнай, бы святой, напоіць.

А Ён не кіне і не дасць зламацца.
Напоўніць душы сілай і цяпеннем.
Цяплом у сэрцах будзе адгукацца,
Сапраўдным, а не проста летуценнем.

Штодня Ён з намі: ў радасці і ў горы.
Любоў Яго не мае дна і меры.
На сушы, у паветры і на моры,
Ён там, дзе не пагас агеньчык веры.

Сагрэтыя сонейкам, кветкі на полі
Так пахнуць духмяна, цвітуць, як ніколі!
І шэпчуцца травы, нібы маладзіцы.
А там, на палянцы, паспелі суніцы!

Прыгожа! У рэчцы вада пацяплела.
Прайдуся па беразе, моўчкі, нясмела.
Прыпомню, як некалі мы разам з братам
Збіралі чабор тут, мелісу і мяту.

Як дзеда з лазы выразаў нам свістулькі
І вершы ды байкі чытала бабулька.
Нас вабіла поле і клікалі травы.
А праца была нам карыснай забавай.

Было нескладана, і часу хапала.
Для шчасця патрэбна было вельмі мала.
Маё ты дзяцінства, як ты прамільгнула.
Было ты цудоўным... я гэта адчула.

Гады праляцелі... нібыта хвіліна...
І я не дзяўчынка зусім, а жанчына.
Ды родную вёску, рачулку і поле
Люблю, як раней, не забуду ніколі.

За родных і блізкіх, за край свой маюся,
За край самы лепшы маёй Беларусі!!!

Осень

Осень землю укрывала жолта-красным пледом,
Обнимала нежно-нежно, как родная мать.
Я бежала без оглядки, ты – за мною следом.
Ты просил меня услышать, умолял понять.

Все смешалось в диком танце: жесты, крик и слезы,
Листья клена, дрожь по телу и обрывки фраз...
Что же может быть больнее расставанья прозы?
Как без рук прожить мне этих? Как без милых глаз?

Ветер губы поцелует, волосы взъерошит.
Знаешь, он меня не бросит. Слышишь, он – не ты.
Не предаст и не исчезнет, ни о чем не спросит.
Не обманет, не раздавит, не убьет мечты!

Весь мир сегодня на моих ладошках:
Жена и мать я, все родные рядом.
Я буду «кушать» счастье чайной ложкой.
А вот все сразу, может, и не надо.

Пойду вперед сквозь боль и неудачи.
Я все смогу. Я верю, хватит силы.
И сбудутся мечты, и я заплачу
От счастья, что на все меня хватило.

Дойду до выпускного курса вуза,
Здоровы будут муж любимый, дети!
И не уйдет на все четыре Муза!
И будет Мир на «Каткиной планете»!

ТКАЧЭНКА Аляксандра

Нарадзілася 31 сакавіка 1998 г. у Мінску. Скончыла гімназію № 24 г. Мінска. Зараз студэнтка факультэта міжнародных адносін БДУ (спецыялізацыя – «Міжнароднае права»). Люблю чытаць! І вельмі шмат. У асноўным гэта добрая фантастыка, гумарыстычныя апавяданні (любімыя пісьменнікі ў гэтым напрамку – Шолам-Алейхем, Чэхаў, Гогаль), мемуары і гістарычная дакументалістыка. Любімая музыка – класічная, «цяжкая», песні і саўндтрэкі з фільмаў. Апроч таго, даволі надрэнна малюю.

Красные – белые

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.

А. Блок. Двенадцать

Красные плакаты –
Белые цветы,
Красные от крови
Розы и кусты.

Белые от снега
Люди и дома –
Красные от крови
Скот и погребя.

Красные от крови
Штык и пистолет –
Белые от снега
Крест и эполет.

Пробудилось Солнце огнеперое
В гнезде из мирры.
Вот расправила она крылья коршуновы
И взлетела, тьму разгоняя.

А за ней бегут – начата вновь погоня –
Волки дикие, скакуны ведьмовские:
О, глаза их страшнее Ада,
А клыки их острее стали!

И бегут они за Солнцем по небу –
Никогда не узнать им усталости –
Гложет голод зверей серогривых
И ночная ненависть дня.

Суждено волкам нагнать Солнце,
Суждено растерзать им светящую,
Но не раньше Последнего Дня –
Когда Червь мировой из утробы родится
И пожрет небеса лазурные.

ТРАШЧОВА Анастасія (Ася Айсберг)

Народзілася 12 снежня 1996 г. у Баранавічах. У 2010 г. скончыла музычную школу па класе цымбалаў. У 2014 г. скончыла гімназію № 4 і паступіла ў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт на біялагічны факультэт. Першая спроба п'яра адбылася ў сем гадоў. Люблю праводзіць час за кнігай. Захапляюся журналістыкай, фатаграфіяй і посткросінгам. З задавальненнем чытаю Рэя Брэдберы, Габрыэля Гарсія Маркеса. Любімыя паэты: Эдуард Асадаў, Роберт Раждзественскі, Іосіф Бродскі. Друкавалася ў зборніку «Атмасфера жыцця» і ў альманаху «Паэт года». Жыццёвая пазіцыя – быць лепш, чым учора, а не лепш, чым іншыя.

Когда-нибудь

Я отправлю открытку с запахом моря,
Я сплету тебе фенечку желтого цвета.
Почему же рифмуется только лишь горе?
Ерунда все, проделки плохого поэта.

Я куплю у бабули три яблока красных.
А еще не забуду про банку варенья.
Будем вилокю есть и кричать: «Все прекрасно!»,
И писать до утра – ведь пришло вдохновенье.

А потом мы поедем на великах в лес...
Ветер, волосы, я не умею кататься.
Ты ведешь по тропинке, заботливо слез.
Продолжаю до жути в тебя я влюбляться.

Остановимся вечером возле реки,
Я достану хлеб из походной сумки.
Вдруг ты резко скажешь: «Замри!»
И стряхнешь комара, не запачкав руки.

Разведем возле берега теплый огонь.
И нажарим сухариков с черной картошкой.
Будем петь под гитару, ты струны затронь,
Я ведь все же стесняюсь немножко.

Рано встанем, когда чуть роса с трав сойдет.
Так хочу порыбачить я солнечным утром.
Мы устроим турнир, поиграем на счет,
Сколько словим мы рыбы для нашего супа.

И в такие моменты так хочется верить,
Что просить перемен у судьбы не придется.
Я не буду любовь свою ложками мерить,
Просто знай: она под крылом у Солнца.

Мимо окон твоих проходя...

Мимо окон твоих проходя,
Я, робея, смотрю осторожно.
Это шанс поглядеть на тебя,
Упускать его глупо и сложно.

Говорят, весна – время любви,
Нет, неправда, тепло нужно осенью,
Когда рано горят фонари
И трава покрывается проседью,

Когда в первую очередь – чай,
Ты крадешься на кухню в ботинках.
Все растопит он: грусть и печаль.
А печенье растопит все льдинки.

Мимо окон твоих проходя,
Не могу не зайти к тебе в гости,
Чтоб согреться, увидеть тебя,
Чай попить, а потом, погода
Так обнять, чтобы хрустнули кости.

Мы – листья

А ты заметил, как листва опала?
Мгновение – и древо без одежды.
Идешь – они кричат: «Нам жизни мало,
Возьми с собой и подари надежду».

Надежду умереть в тепле, уюте,
Зачахнуть и стоять в хрустальной вазе.
Ведь это лучше, чем валяться в грязи,
А нам ли и не знать, а нам ли, люди.

Когда вы молоды – есть время, вы желанны.
Когда стары – обуза и морока.
Весной все восхищаются, ей рады,
А осенью бурчат, что листьев много.

Слон, который заставил задуматься

У слона большие уши, есть еще огромный хобот,
А за черными глазами затаилась тишина.
Потому что очень скоро ждет его ужасный холод:
Уезжает наш слоненок, уезжает навсегда –

В зоопарк, где в клетке пусто, где ему совсем не место
За тюремную решеткой и с кормежкой по часам.
Разве будет это умно, разве будет это честно –
Забирать такую кроху к человеческим глазам?

Вот давайте мы представим на секунду, на минутку,
Что живем среди животных, совершеннее людей.
И они вдруг для забавы – может, слон, а может, утка –
Нас забрали, бросив в клетку, у семьи и у друзей.

Отвезли куда подальше, ограничили свободу,
Не подумав о здоровье и о климате другом:
Что не так, раз там и кормят, и меняют часто воду?
В «хомопарк» нужны новинки... Что? Естественный отбор?

Он извечен и стабилен, не заметит он потери.
Так подумали и взяли всех людишек по чуть-чуть.
И смотрели, улыбаясь, эти сказочные звери,
Кто-то даже бросил киви, чтобы в рот нам заглянуть.

Что, приятно, человечек, быть беспомощным и слабым,
Выполнять свою работу за еду и за тепло,
Одиноко жить в неволе, быть в глазах их экспонатом?
Нет, не нравится... За что же им так с нами «повезло»?

Помогать, бесспорно, нужно, это наше с вами дело,
Но живут пусть на свободе, мы же знаем ей цену!
Может, если рассужденье хоть кого-нибудь задело,
Повезет остаться с мамой загрустившему слону?..

Маме

Ты ждала меня долго, мама!
Ты сумела поверить в чудо!
Ты всей жизни моей отрада.
Мне в объятьях твоих уютно.

Мне саднили порой коленки –
Ты их мазала нежно йодом.
Папа жарил на масле гренки,
Сверху ты поливала медом.

Помнишь, мама, как кукол шили,
Как писали в прописях школьных,
Как считали звезды большие
И успех в выступлениях сольных?

А салюты, а поезд к морю?
Для ребенка восторг недетский!..
Даже были когда мы в соре,
Ты старалась быть в меру резкой.

Как садили с тобой цветы,
Как искали грибы на опушке.
Все секретки слушала ты,
Говорили с тобой, как подружки.

Но уже повзрослела дочка –
Новый город, учеба, дом.
Я ведь мыслями каждой ночью
Там, где мы всей семьей: втроем.

Я твои обнимаю плечи,
Вспоминаю, как было трудно
В жизнь пойти... Но тебе не легче
Просыпаться от плача утром.

Моя милая, добрая мама!
Все мгновенья, родная, храню.
Быть наградой хочу лучшей самой,
Я тебя очень сильно люблю.

Людей некрасивых нет

Художник рисует портрет.
Он любит свою работу
И даже придет в субботу.
Людей некрасивых нет.

С охотой рисует глаза,
В которых огонь, гроза.
И в каждом найдет сюжет:
Людей некрасивых нет.

Людей некрасивых нет,
Есть редкие экземпляры.
Поймут только антиквары
Прекрасных морщинок свет.

Людей некрасивых нет,
Ложиться под нож не надо:
Изюминка – это награда.
Здоровье не стоит монет.

Изящны все точки-родинки,
Как черные бусы-смородинки.
Не прячьтесь – мой вам совет:
Людей некрасивых нет.

И только не хороша
Бывает людская душа.
Людей некрасивых нет –
Это и есть мой ответ.

Мне просто семнадцать

Я снова влюбилась, расслабилась.
Была ли любовь, сейчас ли любовь...
Ах, сколько товарищей нравилось
И сколько понравится вновь!

Да, я легкомысленна: всем улыбаюсь,
Любому свой взгляд подарю.
Простите, ребята, мне просто семнадцать,
И я никого не люблю.

Просто друг

Просто друг.
Просто друг.
Просто друг.
Заколдованный круг.
Молодость.
Гордость.
Много одинаковых букв.
А что будет, если вдруг...
Ничего не бывает вдруг.
Даже самый хороший друг
Быстрее станет никем,
Чем тем,

110 Кветкавыя ветразі

Который навсегда.
Даже в слове веч«но»сть есть «но».
И мне далеко не все равно,
Что вылетает из уст.
Одно неловкое слово:
ты
пуст.
Пуст...
Пуст...

Стук колес

Я люблю поезда за их точную скорость,
Стук колес заставляет не думать – расслабиться.

Для кого-то работа, и это не новость.
Ну а я продолжаю любить – и мне нравится.

Быть обычным тем, где с радостью ждут.
Я хотела всегда делать то, что хочется...

Удается бежать от себя, но тут
Догоняет успешно мое одиночество.

Только чай из стакана в железном теле
Позволяет согреться внутри и оправиться.

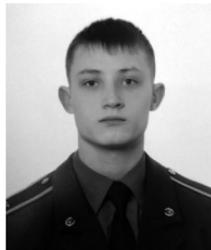
Все равно мы все, люди, на самом деле
Хотим нужными быть, верить, что все наладится.

ТУНКЕВІЧ Віктар

Нарадзіўся 27 сакавіка 1993 г. у Бабруйску. У 1999 г. паступіў у пачатковы клас дзіцячага сацыяльнага прытулку г. Бабруйска. У верасні 2004 г. быў залічаны ў пяты клас УА «Магілёўская абласная кадэцкая школа-інтэрнат для дзяцей-сірот, якія засталіся без апекі бацькоў». У гэтым жа годзе стаў пісаць першыя вершы. З 2011 г. курсант ваеннага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Захапляюся разьбою па дрэве і лайнваркам (малюнкі лініямі). Маё крэда: ісці наперад, якія б перашкоды і цяжкасці ні ўзніклі.

Пісьмо крестной маме!

Здравствуйте, милая мама,
Называть так хотел вас всегда.
Извините, что строчка сказала,
Что меня не вернуть никогда.

Дорогою, доброй и милой,
Видел рядом с собою я вас.
Вы меня всем сердцем любили,
Извините, прощаюсь сейчас...

Ведь когда было плохо – вы рядом,
Когда весело мне – вы со мной.
Ослепляли божественным взглядом,
Несмотря на то, что чужой...

112 Кветкавя ветрази

Ведь чужой – это только формальность,
Вы в душе – настоящая мать...
Лишь душа у меня как реальность,
Мне так хочется много сказать.

Было горько, обидно и больно,
Но вы в мыслях были со мной.
И когда был всем недовольным,
Вы единственной были, родной.

Я не слушал ту правду порою,
Что пытались вы мне рассказать.
Падал больно, да, я не скрою,
Вспоминал вас опять и опять...

Только вера в вас помогала
Подниматься, идти лишь вперед.
И когда душа умирала...
Слышал я: «Витюшка, пройдет».

Мне не хватит цветов всех на свете,
Чтобы выразить всю доброту...
Ничего нет родней на планете,
Чем любимая фраза: «Я жду...»

У порога встречали с улыбкой,
Провожали с грустью в глазах.
Извините, что сделал ошибку.
«Я люблю вас», – шепчут уста...

Я не верил в Бога и спорил,
Но а вас я всегда уважал...
И, сжимая в груди много боли,
С нетерпеньем звонка вечно ждал.

Мне хотелось услышать ваш голос,
Нужен мне он, как воздух с водой.
Моя жизнь – огромная повесть,
Ну а в ней я смертник простой...

Как обнять вас сильно хотелось
И прижаться к родимой щеке.
В голове много чуши вертелось,
Только мысли: придите ко мне...

114 Кветкавя ветразі

Правду всю не хотел говорить,
Понимал, что польется слеза...
Попытайтесь меня вы простить,
Что не смог рассказать вам тогда.

Вы роднее всех были на свете,
Не хотел причинять эту боль.
Понимая, как дороги дети,
Умерла эта мука со мной...

Ну и пусть сейчас в мире мертвых,
Вы навеки остались со мной...
Не могу передать этих горьких
Дней, что связаны стали с судьбой.

Я останусь в сердце навеки,
Точно так, как и вы у меня...
И пускай не услышите где-то
Голос мой, как было всегда.

Я отдам за вас все на свете,
Извините, ушел неспроста...
Понимаю, как дороги дети,
Когда те уходят туда...

Эти строки последние были,
В моей жизни не будет других.
Я надеюсь, меня вы простили.
«Вас люблю», – рвется крик из груди!

ЦВІРКО Іван

Нарадзіўся 4 жніўня 1991 г. у в. Залужжа Стаўбцоўскага раёна Мінскай вобласці. З 1998 па 2008 г. вучыўся ў дзяржаўнай агульнаадукацыйнай сярэдняй школе в. Залужжа, з 2008 па 2011 г. навучаўся ў Нясвіжскім дзяржаўным каледжы па спецыяльнасці «Турызм і гасціннасць». Падчас навучання ў каледжы з’яўляўся ўдзельнікам народнага інструментальнага ансамбля «Нясвіжскія лыжжары», у складзе якога быў прызёрам рэспубліканскіх конкурсаў «Арт-вакацыі», «Напеў зямлі маёй» і «Звіняць цымбалы і гармонік».

З 2011 г. студэнт гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У час вучобы ўзнікла цікавасць да гісторыі караблёў і караблэбудаўніцтва ва ўсім свеце, заняўся праблематыкай будаўніцтва і развіцця браняноснага флоту Расійскай імперыі.

Мае інтарэсы: гісторыя, музыка, літаратура, мора, караблі, спорт. Мой любімы занятак – чытаць, а любімыя аўтары – У. Караткевіч, М. Багдановіч, М. Лермантаў, А. Сапкоўскі, К. Чапек.

Пісаць вершы і прозу пачаў падчас навучання ў каледжы. Асноўным натхняльнікам з’яўляецца мама, Цвірко Кацярына Паўлаўна, якая сама добры паэт. Асноўныя тэмы творчасці: каханне, рамантыка, філасофія і гумар.

Ад цябе пайду я... Усміхнуся горка,
Пажадаю шчасця – і пайду далей.
Знікнуць мае крыўды, сум мільгне вавёркай,
А ў душы заціхне злосны дуралей.

Потым сэрца ўспомніць, як было балюча,
І ад успаміну моцна забаліць,
І слязінка-кропля не вадой гаючай,
А агністай лавай шчокі арасіць.

І назад вярнуся пасярод злой ночы,
Валасы пабачу чорныя твае,
Абдыму... Нясмела гляну табе ў вочы,
І... прачнуся раптам, каб забыцца ў сне.

03.11.2011, Мінск

Вечна забароненая

Так убачыць можна на палетку
Пасля вельмі моцных маразоў:
На праталіне зазьяе кветка,
Кветка з тваіх самых светлых сноў.

Сэрца прыгажосць яе кранае,
І душу мне сонцам саграе
Ды не для цябе ўсё гэта зьяе,
Не табе падзякаваць вясне.

Упадуць пялёсткі табе ў рукі,
А пасля, як класціся ўжо спаць,
Вечна забароненыя думкі
Пачынаюць моцна дакучаць.

Ўсё, яе сарвалі на палетку,
І не ўбачыш больш ужо адну:
Вечна забароненую кветку
З вечна забароненага сну.

11.07.2012, Семежава

Чай

Шчаслівым хадзіў я ўсяго тры дні.
Тры дні з вялікім, радасным адчаем
Гарэлі нашы вочы, бы агні,
І ты тры дні мяне паіла чаем.

А чай той горкі мёдам мне здаваўся,
Салодкім мёдам, п'яным, нібы хмель.
Пачуццямі мой розум нападняўся,
І шчок тваіх кахаў я акварэль.

І хмель той па ўсім целе разліваўся
І шызым туманом мне вочы засцілаў...
Імгненне... Пацалунак... Я прызнаўся...
Я ахмялеў ад шчасця, я прапаў...

Прайшлі тры дні... Няма ўжо больш адчаю –
Быў выпіты апошні кубак чаю.

21.11.2009, Нясвіж

Маёй надзённасці мне дзіўны акварэлі:
Імгнення сум і радасць, сум маіх гадзін –
Жыццё змяшала ўсё ў адным кактэйлі...
Вось толькі горкі ён, бы леташні палын.

13.01.2009, Залужжа

Я не звярну на боль страшэнны ўвагі –
Няхай баліць... Заціхне, не ўпаду.
Перажыву і боль, і злосць, і ўсе знявагі!
Мацуюся... Усмяшка... Я іду!!!

21.11.2011, Мінск

Раней танкісты былі па прызванні –
Цяпер танкісты служаць у анлайне...
Каб танк падбіць – на клавiшы ўсё ціснуць,
А ва ўніверы бессаромна дрыхнуць.

16.04.2013, Мінск

Акінейныя начныя думкі

Студэнт не спаў.

Сон, пра які ён марыў цэлы дзень, дзеля якога быў гатовы закінуць усе справы, не прыходзіў. Ноч, доўгая зімовая ноч ужо даўно ахутала сваёй тоўстай коўдрай засыпаную снегам зямлю. У марозна-крыштальным чорным небе ледзь бачыліся зоркі, з цяжкасцю прабіваючыся праз святло вулічных ліхтароў. Град спаў.

А студэнт аніяк не мог заснуць.

Яго не надта хваляваў заўтрашні экзамен. Не надта складаны. Да таго ж каб ён, Пятрусь – ды не здаў экзамен? Гэтага проста не магло здарыцца!

Студэнт думаў. Успамінаў. Ад гэтых успамінаў балела галава, а сэрца напаўнялася нейкай незразумелай злосцю. На сябе. На суседзяў, якія ўчвэрылі рамонт раніцой у нядзелю. Сцены мякчэйшыя ў гэты час ці яны спецыяльна, каб Пятрусь не выпаўся?

Але больш за ўсё ён злаваўся на Яе. На гэтую пяхчотную пачвару з халоднымі рукамі і вельмі цёплымі, прамяніста-зялёнымі вачыма. Так, ён злаваўся на Яе.

Нядаўна ён меў неасцярожнасць займець надзею. І нічога здзіўнага. Проста больш доўгія позіркі, больш выразная ўвага... Не, ён не называў гэта каханнем. Проста насланне. Рамантычная мара.

Доўга марыць шкодна для здароўя. Хто ж яму ляпнуў такую мудрасць? Сябрук? Нехта са сваякоў? Або проста знаёмы? Як бы тое ні было, але выраз не да канца праўдзівы. Больш шкодна, калі мару хутка разбіць. Яна – як стрэмка пад пазногцем: баліць, гнаіцца, але неяк да гэтага прывыкаеш. Паступова яна вылазіць, жахлівая ў сваім гнойна-крывавым абліччы. Вылазіць павольна, метадычна. І ў адзін момант ты проста яе дастаеш.

Але калі спрабаваць яе дастаць адразу, то робіш толькі больш балюча. Спрабуючы зачাপіць стрэмку кончыкам прагрэтай іголки, ты хіба што раздзіраеш скуру, валтузаеш плоць вакол ранкі, а ў выніку – дастаеш частку гэтай праклятай стрэмкі. Абавязкова застанецца маленечкі кавалак, які не дастаць, як ні спрабуй. Урэшце і ён выйдзе, але з большым болям. І застанецца пачварны шнар.

Мары нельга хутка выдзіраць з сэрца. Асабліва рамантычныя. Каторы раз Пятрусь пераконваўся ў гэтым.

Ён захапіўся Ёю, і, як падалося, Яна ім таксама. Не тое каб ён моцна спадзяваўся на нешта... Ды якое там! Канешне, ён спадзяваўся, што нарэшце сваё сэрца можна аддаць у надзейныя рукі. Гэтым загнаў стрэмку мары сабе ў сэрца.

А дастаць яе аказалася так балюча! І ўсё вырашыў адзін кароткі позірк, незвычайна халодны для Яе цёплых прамяніста-зялёных вачэй.

Халодны... Што было ў Ёй халоднага – дык гэта рукі, быццам унутры іх была лядоўня. «Халодныя рукі – халодная душа», кажуць... Глупства, проста крываток слабы. Як часта яму хацелася адагрэць гэтыя рукі, растапіць іх ледзяшы ў сваіх далонях!..

Быццам гэтыя самыя халодныя пальцы шчоўкнулі. І ўсё. Бязлітасны, кароткі позірк, у якім нічога не было бачна, акрамя слова «адчапіся».

І за гэты позірк ён на Яе злаваўся. Калі дакладна – за тое, што гэтым позіркам Яна вельмі балюча выцягнула мару з яго сэрца, якое і так было ў шнарах. Балела моцна.

Дзіўная метафара, вартая самага драматычнага моманту ў самым танным і бязглуздым мексіканскім серыяле.

І ў той момант Петрусю хацелася выглядаць трагічным героем гэтага серыяла... У пакоі з камінам. Са шклянкаю віскі з трыма кубікамі ільду. У чорным касцюме і з сумным выразам твару... Але навокал была толькі глыбокая зімовая ноч, галаўны боль і злосць, якая паступова затухала...

Недзе ў незгаральнай шафе дэканата яго факультэта чакалі свайго часу экзаменацыйныя білеты.

А студэнт не спаў...

28.12.2014, Мінск

Афган

Прыйшлі зноў да мяне вы? Ну, здрасце!

Вы ў газету артыкул рабіць?

Выбачайце, не танчу ад шчасця:

Сёння нешта спіна мне баліць...

І чаго вы слупамі стаіце?

Вам нязручна так будзе пісаць.

Ну, гатовыя? Значыць, пішыце.

Толькі просьба: мяне не спыняць.

Ваявалі мы як – не так важна:

Былі міны, засады, баі...

Важна тое, што нам было страшна,

Страшна так, што Гасподзь барані!

Пра геройствы трындзяць толькі тыя,
Хто вайны і не ведае смак:
Журналісты, і проста дурныя,
І палітыкі, так іх растак.

Не патрэбна мне слава героя,
Не патрэбны той пафас дурны.
Мяне проста пакіньце ў спакоі
І пазбаўце ўсёй гэтай блазны!

Дастаткова размовы, ідзіце,
Мне шмат працы патрэбна рабіць.
Толькі вось вы пра што напішыце:
Пра Афган я хацеў бы забыць...

ЦІШКЕВІЧ Таццяна

Нарадзілася 17 студзеня 1996 г. у г. Асіповічы Магілёўскай вобласці. Там скончыла гімназію і музычную школу па класе скрыпкі. Зараз студэнтка біялагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Я спрабую апісаць свет вакол, свет унутры мяне, бо адчуваю, што ён можа быць цудоўным і без прыгажосці, чароўным і без магіі. Усё маё сэрца ў дыханні і словах, частка маіх слоў – гэтыя радкі. Хай жывуць яны, і, магчыма, маё сэрца не спыніцца нават праз сотні гадоў.

Неаднаразова прымала ўдзел у абласных і рэспубліканскіх паэтычных конкурсах. У 2015 г. стала лаўрэатам універсітэцкага конкурсу «Славянскі калейдоскоп». Друкавалася ў часопісе «Белая вежа», газетах «Осиповичский край», «Белорусская военная газета», «Во славу Родины», «Знамя юности».

Голубые огни раздувают чуть талое утро,
Ты закроешь глаза, чтобы пару часов подремать.
Мне казалось, я сплю, что во сне я заснула как будто,
Что опять я проснусь, когда снова вернусь на кровать.

К тишине, к тишине, где лишь шепот молитвы и вздоха,
Звездных лиц амальгама сменяется первой росой.
И пусть демоны, духи сидят у окна и порога,
Ведь они не проникнут ни к нам на кровать, ни домой.
И пока тусклый свет не разлился на окна и воду,

Для меня лечь в постель – словно телом согреть океан.
Я сейчас бы проникла до сути твоей и природы,
Если б ты от видений и лунных колец не был пьян.

Я сейчас бы спала, но мне духи шептали секреты,
Убивали мой сон, авантюры давая взамен.
Что могла делать я, как не рушить их пыльные скрепы?
Как могли они мстить, если взять не могли меня в плен?

Я сейчас бы спала, но вдруг солнце коснулось кровати,
Океан загорелся и блики зажег на глазах.
Мои тени ушли, ты лишился Морфея печати,
А слова о тебе перестал обесцвечивать страх.

И латунные кольца упали на голые ноги,
Все бряцали по коже, их ритм успокаивал нас.
Волны все унесли в новый сон, что заложен природой
И что тысячам снится в бессонный и утренний час.

Мы – гирлянды разрубленных лилий,
Одинокой свирели мотив,
Мы – рисунок на пляже из линий –
Лишь секунда, и будет прилив.

Этих линий так мало дано нам,
Но лишь ими расчерчена гладь,
На которой сиять будут словом
Наши мысли, что тьмой не объять.

Мы – мгновения странных рассказов,
Отпечатки певучих чудес,
Под зрачками – осколки алмазов
И дворцы в голове до небес.

124 Кветкавыя ветразі

А дворцы эти – призраки веры,
Что мы видим, бегущие вспять,
И от мыслей, что времени мера,
И от мыслей, что тьмой не объять.

Это лето, что было и легким, и нежным,
И тягучим, как вытяжка первых ночей,
Присылало мне письма с безумной надеждой,
Словно я могу время растратить быстреей.

Словно я могу прыгнуть в безбрежные воды
И вновь вынырнуть где-то на той стороне
Через год, через час, через многие годы,
Обогнув пару лет по короткой тропе.

Словно я могу вихрем промчаться сквозь осень,
Через вечные груди из охровых лиц
Из опавших и павших, из верных, что бросил
Мне под ноги мой старый и маленький принц.

Словно я могу пасть в великаны-сугробы,
Превратить все лицо в смесь воды и огня,
Каждый луч видеть в спектре, а призмы от пробы
Пусть бы таяли долго в руках у меня.

Словно я могу вновь упиваться рассветом
Новых жизней, видений и солнечных дней,
Что давали мне воздух и легкие цветом
И цветами наполнили, сжав их сильней.

Словно я могу бросить свой сон на палитру,
Не вверяя часам наши лучшие дни,
И хоть раз, поддаваясь священному ритму,
Через зеркало время дугой обойти.

В это лето, что было и легким, и нежным,
И тягучим, как вытяжка первых ночей,
Обойти. И остаться с безумной надеждой,
Словно я смогу вечно бежать от людей.

Кто сказал, что химеры живут по ночам?
Уже день, а все демоны рядом.
Их изгнать бы от нас, в барабаны стуча,
Но для нас этот звук был бы ядом.

Убежать бы от них под полуденный зной,
Чтобы духи ужались до тени,
Но и нас оглушит лебединый их вой,
Мы падем, как они бы хотели.

Они будут со мной, как незримый упрек,
Я бы в солнце себя облачила,
Но спасение там, где мой дом, он далек,
Потому искупление мнимо.

Их слепящий макабр нас позвал за собой,
И теперь я пускаюсь в дорогу
На «Голландце», «Марии Целесте», где бой
Мы бы дали лишь ветру и Богу.

С этой Дикой Охотой пускаюсь я в пляс,
Только с ними я снова живая,
Все гонители стали друзьями для нас,
Мы плывем до небесного края,

Чтобы снова упасть, и привычная твердь
Будет вновь под моими ногами.
Мы свободны, одни, а все демоны – плеть,
Что мы сами о ногу сломали.

Я у моря, оно пусть свободу мне даст,
После демонов даст мне покоя.
Но я пала; и вот уже в легких не газ,
А вода, и клеймят все изгоя.

Утонувший моряк мне шепнул под водой:
«Я давно здесь и видел немало,
Убегай от воды, возвращайся домой,
А иначе уснешь со мной рядом».

Я ушла, обогнула холодный утес
И увидела город в том месте.
Дети вышли ко мне, с ними был старый пес,
И они пели старые песни.

Я пришла к ним, хотела запеть новый гимн,
Но ни звука из легких не вышло,
Дети стали кричать, загонять меня в лимб,
Загонять на прогнившие крыши.

Я бежала от них, каждый в спину кричал:
«Уходи от нас, демон-химера!»
Я ушла, домом стал мне скрипучий причал,
А последним пристанищем – вера

В мое слово и в мысли за главной чертой,
В то, что есть за моими глазами.
Я ушла, и меня убаюкал приборой,
И я сладко спала под волнами.

Через пару минут ночь придёт сюда,
Словно капля, что станет причиной потопа,
Словно в блеске застывшая камнем слюда,
Словно время, что в счастье промчится галопом.

Через пару минут море выльется вниз
Нам на головы легкой небесной вуалью,
Чтобы выполнить, выбелить пеной эскиз,
Что мы здесь называли домами и далью.

Через пару минут тишина и луна
Нас обнимут и бросят в блестящие волны,
И тогда я навечно не буду одна,
А долина останется песнями полной.

Рождество I

Посмотри, время идет! Мы больше не заперты в ноябре.
Ты с головой под воду; но вода не стоит на месте.
Рождество на пороге, колокольный звон в моей голове,
Я люблю это время, хоть не жду ни чудес, ни мести.

Я люблю это время, Вифлеемские звезды в витрине,
Они все путеводные и все нас сбивают с пути,
Сердце может согреть просто запах хвои и мандарины,
Столько грусти, что и в малом пытаемся счастье найти.

И находим. И я не жду от родных дорогих подарков,
Достаточно праздника и одной шоколадной плитки.
Герои – мои герои, раз вылечить смогут от рака
Заблуждений, что я уникальна, как грани снежинки.

...

Пусть печаль исчезает, все равно потеряемся где-то,
Я люблю это время, ведь в нас просыпаются дети,
И пусть споят они нам, пока мы не найдем свое лето,
Что прекрасней бокала вина в ярком солнечном свете.

Рождество II

Ох, Рождество, по мягкому снегу санки,
Будешь со мной или с тем, кто безумно мне дорог?
Летом меня воскрешали на поле вакханки,
Звездное пламя мы прятали в пыльные банки,
А небосклон без блестящих камней был разрушен и полог.
Шаткие улицы вдруг укрепил стылый ветер,
Снег еще белый, гирлянды святого Эльма
Мне освещают лицо, золотят мои руки, дети
В восторге.
Их не волнует, что это огни распродаж,
В основном не для них стоят сети.
Им безразличен придуманный антураж
Псевдоюта. Надеюсь.
Потому что сама попадаюсь в который раз.
И теперь все мои заблуждения не останутся без приюта
В доме у эльфа, Деда Мороза, Святого Духа,
Или какие там сказки сейчас нам плетут маркетологи?
Ох, Рождество, планета сделала круг, ура!
Твое чувство вины перед людьми,
Что и тебе очень дороги,
Или живут с тобой под одной крышей,
Или спорят с тобой до утра,
Или разделяли лучший момент твоей жизни,
Пусть растет. Чувствуй себя виноватым, но только сейчас,
В другое время, хоть это вовсе не бремя
И совсем не трудно,
Ты можешь не навещать родных, не писать друзьям...
Только нудно
Спрашивать «Как дела?» раз в неделю.
Я не верю,
Что мы не можем быть ближе.
Конечно, можем. Но совесть тише,
Чем страх, что они также забыли о нас.
Ох, Рождество, соленые улицы, кошки

Греются нашим теплом, но как,
Если мы сами замерзли?
Каждый из нас не Мессия и не дурак,
Лишь человек, так дай мне жить человеческой жизнью,
Не смей украсть даже крошки.
Нам теперь не нужны ни вера, ни суеверия,
Чтобы быть счастливыми, наполнять себя мифами
Или сходить с ума.
Грею я
Руки над громким костром.
Делать мир волшебным без магии
Тяжело.
Особенно, если ты один и одна
И если решишь обложить себя книгами,
Построить крепость
И спать там, спать там, пока не придет весна.

ЧАХОЎСКАЯ Элізавета

Нарадзілася 13 снежня 1987 г. у Мінску, у прыватнай веруючай сям'і. У 2005 г. скончыла 139-ю сярэднюю школу г. Мінска, а ў 2007 г. – Прафесійна-тэхнічны каледж паліграфіі імя В. З. Харужай. Сёння студэнтка Інстытута тэалогіі імя святых Кірылы і Мяфодзія БДУ.

З дзяцінства люблю чытаць і нядаўна вырашыла паспрабаваць сябе ў жанры хрысціянскай казкі, каб паказаць дзецям і дарослым, як важна верыць у Бога і не разгубіць свае станоўчыя рысы: дабро і міласэрнасць. Спадзяюся, што мае казкі будуць карысныя не толькі дзецям, але і дарослым.

Встреча с мудростью

Маленький розовый поросенок никак не мог понять, как устроен мир. Он хотел знать ответы на множество вопросов, волнующих его. Что такое время и почему оно течет так, а не иначе, что такое любовь, ненависть, страх, добро и зло... Но больше всего поросенка волновало, как появился мир. Кто его создал? Мама говорила, что мир был всегда и его никто не создавал. Папа утверждал, что мир произошел из пыли. Поросенок ходил по двору и спрашивал об этом у всех подряд. И было много разных мнений, и каждый говорил по-разному. Кто-то сказал, что мир всегда был водой, потом вода высохла и стала Землей. Кто-то – что мир произошел в результате большого взрыва. Поросенку не нравилось то, что они говорили, и он подолгу размышлял. И грустил. Его никто не понимал и не любил, даже любимая мама сторонилась его, а все потому, что каждый вечер он с неизменным постоянством ходил и задавал свои странные вопросы. А ведь в его мире, в мире, в кото-

ром он родился и жил, было так много животных и птиц: его мама, папа, брат, семь кур, петух, собака, два кота. И пару раз он встречал кротов, мышей, насекомых и даже видел птиц, которые прилетали к ним поклевать зерна. Домашние, а особенно куры и петух, не любили этих прилетающих птиц. Они считали, что птицы отбирают у них пищу, и старались каждый раз клюнуть непрошенных гостей побольнее, а поросенок защищал их. За это его не любили еще больше, считали странным и сумасшедшим. Поросенок не всегда успевал защитить птиц, но несколько раз одерживал победу. Он видел каждую из птиц только один раз, они казались поросенку путешественниками, которые много видели, и он спрашивал у них как у умудренных жизнью старцев, как устроен мир. Но и птицы не отвечали ничего, что позволило бы поверить, что все было именно так.

И вот однажды вечером мама разрешила поросенку пойти вместе с ними в поле, под старый дуб, чтобы вдоволь наесться желудей. Поросенок никогда не выходил за ворота своего дома, да особо и не стремился туда: он боялся неизвестности, но в то же время ему было безумно интересно узнать: что же там, за забором? И вот поросенок решился. Пройти нужно было всего ничего, но даже этот маленький путь показался ему долгим. Поросенок увидел дорогу, траву, фонарь и большое прекрасное дерево и понял, что мир не заключен в рамки его двора, а огромен и прекрасен. Этот дуб был для поросенка чем-то большим, чем просто дуб. Он был его открытием, его совершенством. Они подошли ближе, и родители стали сразу есть желуди и рыть землю. Поросенку же был интересен сам дуб, а не его плоды. Он обошел дерево один раз, другой, третий и не мог скрыть своего восторга. Поросенок прыгал, весело смеялся и вдруг услышал:

– Почему ты не ешь со всеми? Ведь мои плоды полезны и вкусны. Посмотри на своих родителей, братьев и сестер. Им настолько нравится, что они готовы забыть обо всем и даже друг о друге.

– Я всю жизнь ел только яблоки и тыкву. Я первый раз здесь, потому что меня раньше не брали с собой. Но я много слышал о желудях. Мне говорили, что они очень вкусные. Я каждый раз мечтал, чтобы меня взяли с собой, но меня не брали. Все считали,

что я еще мал, глуп и неопытен, чтобы идти с ними. Но теперь я понял: они просто боялись, что я все съем и им достанется меньше желудей. Я их очень люблю, ведь это мои родители и братья. Пускай они съедят и мою порцию, а я даже и пробовать не буду, потому что если они действительно окажутся такими вкусными, то я не смогу устоять и съем их все...

– А ты другой... В тебе есть милосердие. Как тебя зовут?

– Я не знаю. Все зовут меня Отстань. А вас?

– Меня зовут Дуб Мудрости. А почему у тебя такое странное имя?

– Меня все так называют. Когда к кому-то обращаюсь, все говорят мне: «Отстань». А что такое милосердие? Мне нравится это слово. Я никогда не слышал его раньше.

– Милосердие – это когда у тебя доброе сердце, когда ты умеешь любить, готов отдать все что угодно, лишь бы кому-то стало хорошо; когда ты думаешь в первую очередь не о себе, а о других; когда умеешь прощать и не замечаешь обиды... Это очень хорошее качество. И в тебе оно есть. Тебе нравится имя Карандаш?

– Да. Меня теперь будут так звать?

– Только если ты сам этого захочешь.

– Да, хочу, очень хочу! Вы такой умный, помогите мне. Очень хочется узнать, как появился мир, как он устроен! И сейчас мне стало интересно: насколько он большой? Раньше я думал, что мир – это там, где я живу, а оказалось, что он намного больше...

– Мир создан Богом, вечным и неизменным. Чтобы познать Бога, понять мир и его ценности, тебе придется столкнуться со многими препятствиями на своем пути, а путь этот может быть очень долгим. И ты можешь пострадать и даже умереть за эту истину. Будет много тех, кто не захочет, чтобы ты познал ее. Ты готов к этому?

– Я не знаю... Мне кажется, что я готов... Мне очень хочется крикнуть: «Да!» Но я боюсь обмануть ваше доверие: вдруг когда-нибудь потом придет момент, когда я скажу: «Нет». Я буду знать, что подвел, предал вас тем, что нарушил слово.

– Это достойный ответ, ты готов начать этот путь. Если бы ты сразу ответил: «Да», то это значило бы, что ты не готов. Иди

и помни: ты другой, не такой как все. И если на твоём пути встретятся люди, которые будут тебя высмеивать, издеваться и гнать, то знай и помни, что ты не плохой, не смешной и не сумасшедший. Ты просто другой.

– Я один такой «другой»?

– Нет. Других много, и ты сразу их узнаешь. Твое чистое сердце поможет тебе сделать правильный выбор. И если ты их встретишь, то уже не отпускай от себя. Расскажи им все, что узнаешь, и попроси их о том же. А сейчас ступай. Иди, и ты найдешь ответы на все свои вопросы. Только вначале тебе предстоит сделать самое сложное – познать самого себя.

– Познать самого себя? Это как?

– Надо отвлечься от своих чувств, заглянуть в свою душу, сердце и ответить на вопрос: «Кто я?». Надо найти все плохое, что есть в тебе, и заменить это чем-то хорошим. Ненависть – любовью, злость – радостью. Познание себя невозможно без смирения и покорности любому злу. И помни: «Кто сам себя познает, тот дойдет до познания Бога».

– Спасибо вам! А мы еще увидимся?

– Да. Ты найдешь меня везде и в каждом, даже в себе. Ты поймешь это со временем. Удачи тебе!

– До свидания!

И вот, вернувшись домой, поросенок долго размышлял; очень много и сосредоточенно думал о самом себе и о тех, кто его окружает; раскладывал по полочкам свои чувства, эмоции, желания и, наконец, смог увидеть Творца в каждой душе, в каждом дереве, в каждом цветке!

Он понял главное для себя: он понял, что так ничего и не понял. Теперь он знал, что ничего не знал.

Карандаш стал по-другому относиться к нападкам окружающих. Теперь он знал, что мир огромный и не ограничивается его двором. Он ходил по другим улицам и дворам и задавал свои вопросы, вроде бы простые, но в тоже время глубокие. Когда никто не мог дать на них понятный и простой ответ, отвечал сам.

Однажды Карандаша спросили:

– Знаешь, что мне сказал о тебе твой друг?

– Подожди, – остановил его Карандаш, – просей сначала то, что собираешься сказать, через три сита.

– Три сита?

– Прежде чем что-нибудь говорить, нужно это трижды просеять. Сначала через сито правды. Ты уверен, что это правда?

– Нет, я просто слышал это.

– Значит, ты не знаешь, правда это или нет. Тогда просеем через второе сито – сито доброты. Ты хочешь сказать о моем друге что-то хорошее?

– Нет, напротив.

– Значит, – продолжал Карандаш, – ты собираешься сказать о нем что-то плохое, но даже не уверен в том, что это правда. Попробуем третье сито – сито пользы. Так ли уж мне необходимо услышать то, что ты хочешь рассказать?

– Нет, в этом нет необходимости.

– Итак, – заключил Карандаш, – в том, что ты хочешь сказать, нет ни правды, ни доброты, ни пользы. Зачем тогда говорить?

Сам он говорил о храбрости, благоразумии, справедливости, скромности, о вечном и неизменном Боге. Карандаш умолял всех заглянуть внутрь себя и понять, кто они и что из себя представляют. Его понимали и не понимали, любили и ненавидели, принимали и выгоняли. Находились и те, кого интересовало то, о чем он говорил. Они садились и слушали. Бывало, что кто-то был не согласен, и были долгие споры, которые длились иногда часами, до поздней ночи... Карандаш находил учеников, которые помогали, учились у него и сами потом учили других. Каждого из них он считал другом.

Однажды жеребенок по имени Листик бродил по улицам и увидел толпу, оживленно что-то обсуждающую. Он подошел и услышал речь Карандаша. Он был удивлен и встревожен этой встречей: его давно терзали те же самые вопросы. На следующий день он пришел снова, потом еще и еще... Ему очень нравилось слушать Карандаша. Он готов был все бросить и идти вместе с ним. Жеребенок стал задавать вопросы, которые всегда были точными и важными. Карандаш стал присматриваться к своему новому ученику. И вот он решил задать очередной вопрос:

– Что для вас идеальный мир? Каким вы его видите?

– Я вижу мир! Идеальный мир. Представьте: в одной пещере с самого рождения томятся узники. Они сидят спиной к огню, и их головы не могут поворачиваться, поэтому они постоянно смотрят только в одну сторону – на стену пещеры. Позади них кто-то ходит и носит различные предметы. Заключение могут видеть лишь тени этих предметов и тени тех, кто их носит. И если хотя бы одному узнику удалось бы освободиться и увидеть огонь, и предметы, и тех, кто носит их, он бы наверняка решил, что это воображаемые объекты, так как он привык верить, что реальные вещи – это тени. Кроме того, свет ослепил бы его.

– Кто это сейчас сказал? – спросил Карандаш.

– Это я, – сказал Листик и вышел вперед.

– Объясни, пожалуйста, смысл твоей истории.

– Представьте, что узники пещеры – это мы. Тени – это образы знакомых нам вещей. А огонь – это верховная идея Блага, поэтому нам так сложно смотреть на него, хотя оно дает жизнь и делает все видимым. Если мы чужды этому, то мы видим лишь тени.

– Но как мы можем понять это?

– Интуитивно. Все это в нас, просто мы забыли об этом. Есть вещи, которые мы хорошо знаем, хотя и не видим их. Это наша память идеального мира, который мы знали до рождения.

И тут Карандаш вскочил и закричал:

– Мне сегодня ночью снился сон, будто я лежу, а у меня из груди бьет луч света. Этот луч был прекрасен, он сиял и вибрировал, а потом взлетел в небо. Я понял, что это ты – мой луч света. Я нашел тебя... Я расскажу тебе все, что знаю, и научу всему, что умею, если ты пойдешь за мной.

И Листик пошел. Он во всем слушался своего друга и везде следовал за ним. Они подолгу разговаривали и познавали себя и все вокруг себя. Карандаш все так же ходил по улицам и задавал свои вопросы. Он выбирал какого-нибудь известного оратора после того, как тот прочитает свою речь, и начинал задавать свои знаменитые вопросы. Причем сначала Карандаш безудержно хвалил собеседника, говорил, какой тот умный, известный в городе и что ему не составит труда ответить на такой элементарный

вопрос. Карандаш задавал свой действительно элементарный, на первый взгляд, вопрос, а собеседник дерзко и нехотя отвечал на него, Карандаш задавал очередной вопрос, касающийся первого, и ему опять отвечали, а он все спрашивал и спрашивал... Доходило до того, что собеседник в конце концов своим последним ответом противоречил первому. Тогда, взбешенный, он спрашивал Карандаша: «А сам-то ты знаешь ответ на этот вопрос?!» Карандаш отвечал, что не знает, и спокойно удалялся.

Многие из тех, кто считал себя главнее и умнее Карандаша, хотели избавиться от него. Он мешал им своей «странностью» и тем, что он мог опозорить их, дав понять другим, что они ничего не знают. Его обвиняли в том, что он еретик и не верит в Бога, как того требует их вера, и что его учение ложно, не соответствует их представлению о морали, нравственности, что он заставляет молодежь верить в это. И, сговорившись, они решили убить Карандаша. Карандаш узнал об этом. Конечно, он мог бы спокойно уйти, но не сделал этого. Он помнил слова Дуба Мудрости, что за истину можно и нужно умереть. Ведь если он сейчас уйдет, то те, кто слушал его, верил ему, поймут: все, что он говорил, было ложью. А ведь он учил их до конца отстаивать свое мнение, свои идеи. И если он сейчас уйдет, то все опять станут мыслить примитивно, перестанут быть другими, не такими, как все. Карандаш решил принять смерть, как мученик. Листик, узнав об этом, уговаривал своего друга и учителя передумать, но Карандаш был непреклонен. Он твердо решил идти до конца.

– Знаешь, когда я был маленький, я повстречался с Дубом Мудрости. Мы долго общались, и он показался мне воплощением мудрости. Он сказал мне, что мы встретимся. И вот наконец я понял, что мудрость есть в тебе, во мне. Познать ее может не каждый. Начало мудрости – это страх Божий и благоговение перед Творцом. Есть кое-что, что может помочь тебе познать ее. Ты поймешь это со временем. Прости меня Листик, но я не могу иначе.

И Листик смирился. Он понимал, что ничем не сможет помочь Карандашу. Хотя пока не мог понять и принять этого решения.

И вот три дня спустя Карандаш пришел на главную улицу, перед ним поставили корыто с водой, в котором лежал отравленный

корень. И он выпил ее. Было больно, но он до последнего вдоха говорил и задавал свои вопросы. Рассказал всем, что с ним происходит, просил учиться познавать себя, мир вокруг, себя в этом мире. Не бояться до конца отстаивать свою точку зрения. Не бояться насмешек. Косых взглядов. И помнить, что мудрость есть в каждом, кто готов искать истину...

Карандаш умер, оставив после себя прекрасных товарищей, друзей и соратников, которые разделяли его взгляды и мысли. Оставил после себя тех «других», которые так не похожи на большинство; тех, кто умет мыслить. Он умер счастливым, потому что знал: его труды, слова, учения не будут забыты, а будут передаваться из уст в уста его учениками. Он знал, что и через тысячи лет найдутся такие «другие», кто будет мыслить иначе. Так и случилось: Карандаш передал Листикю все, что знал, а Листик все записал и оставил нам. Он писал от имени друга и учителя Карандаша. Листик основал академию, где обучали мудрости других. Учеников действительно становилось все больше, но не каждый мог понять мудрость. Ее понимал лишь тот, кто понимал, что он ничего не понимает.

ШЫДЛОЎСКАЯ Танна

Нарадзілася 15 сакавіка 1996 г. у г. Іўе Гродзенскай вобласці, дзе скончыла гімназію. Паступіла ў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вучуся на інжынера-геолага. Свядома займацца літаратурай пачала гадоў з 15. Паэтычныя погляды сфарміраваліся пад уплывам У. Шэкспіра, М. Лермантава, Г. Ахматавай, М. Гумілёва, І. Бродскага. Асноўныя тэмы ў творчасці – філасофія, пейзажная і любоўная лірыка. Як будучага географа і геолага мяне натхняе ўвесь навакольны свет, поўны цудаў, таямніц і неразгаданых загадак...

Оберез

Как каленый пепел дырывает ткань,
Как от смол першит и болит гортань,
Как от дыма трудней различать цвета –
Так горчит стодневная суета.

Мой балкон, мой вид на бетонный лес,
На потрепанной шее медяный крест,
Белый иней в висках, как глумленья лет,
А вокруг царит суета сует.

Я устал, и усталость моя во всем,
Она в горле сидит, как нелепый ком,
Она в жестах, в чертах на моем лице.
Я устал, мне цена – одинокий цент.

Но на тяжесть моих напряженных плеч
Обещаньем от горя меня сберечь
Опустилась кротко твоя ладонь –
Оберегом от болей, врагов, погонь.

Без твоей любви и теплоты
Мне не справиться с натиском суеты,
Не принять черно-белый колор рутин,
Не снести препоны, что на пути.

Мой балкон, мой вид на рдяной закат,
На расслабленной шее твоя рука,
И планета сворачивается в клубок,
И лежит, и мурлычет у наших ног.

Не в июле ли дело?
Мне девятнадцать, на улице двадцать два,
Говорят, что по Цельсию; помнят ли про Линнея?
В это хмурое лето не хочет расти трава,
Но соседний участок решительно зеленее.
В это лето, как, впрочем, в любое из прошлых лет,
Только и надо, что плакать, читать и слушать
Музыкантов, на чьи концерты не взять билет,
А если и взять, то у черта в обмен на душу.

Не в июле ли дело?
Развеселые дети, играя, бегают за окном,
Точно споры под строгим глазом шотландца Броуна.
А мой дом, мой родительский теплый дом
Стал для меня и адом, и раем, и уготовано
Мне пережить в этом странном раю-аду
Время, когда от удушья процентик смертности
Плавно растет; когда крыша, сорвав узду,
Катится вниз, забирая остатки трезвости.

Не в июле ли дело?
А на том порешим: если что – виноват июль
С вязким на ощупь воздухом; с тополиным
Пухом – на всех дорогах, куда ни плюнь;
С запахом мяты, смородины и малины.
К языку прицепилась фамилия Мандельброт,
А ты кутаешься от такого-то лета под одеяло,
Утешаешь себя: я ведь конченный идиот,
Но кусок идиота – тоже фрагмент фрактала.

Глядя на мать

Не остынет чай, не погаснет свет,
Не посмеет время ускорить ход;
И в любимой чашке на глубине
Чайный лист устраивает хоровод.
И твои глаза, и твои черты
Вызывают столько тепла и боль:
Каждый новый неровный изгиб морщин
По утрам пред глазами встает со мной.
Мне не страшно спать и не страшно жить,
Если ты мне желаешь спокойных снов.
И возможно ль кого-то сильнее любить,
Чем мы любим своих матерей, отцов
Или тех, кого так приучились звать.
И что может быть лучше того, когда
Улыбаются, смотрят отец и мать
Не с картины в раме, а из окна.
Каждый день я хочу говорить, кричать,
Что люблю вас сильнее, чем целый свет!
Нет страшнее бед, чем сказать, позвать
И не слышать уже ничего в ответ.

Петербургское письмо

Из продрогшего города, зимнего, зябкого, зыбкого,
Чье название звонко и твердо, как Ваш хребет,
Благородного, статного, с гордой полуулыбкою,
Я пишу Вам, марая бумагу в чернильный след.

Расскажу Вам о том, как туман укрывает грудь площади,
Как размеренно, мирно мурлычет внизу метро,
Как труднее асфальтом – каналами, парками проще ведь –
Мне гулять и любить эти улицы всем нутром.

Расскажу вам о том, как впадает в Неву синеглазую
Полосатый проспект, извиваясь и корчась у ног.
Как летят облака, белолицые и седовласые,
Над блестящим заливом, сворачиваясь в сахарный рог.

Расскажу Вам еще криптограммой корявого почерка
О безмерной тоске по антарктике пристальных глаз,
По холодным рукам, синусоиде скул, да и, в общем-то,
По всему, что касается, трогает, мучает Вас.

Из согретого города, ловкого, ломкого, летнего,
Чьи дома подпирают затылками солнечный свет,
Я пишу Петербург, вечно пасмурный, но приветливый,
Я для Вас этот город словами вложу в конверт.

ЗАМЕСТ ПАСЛЯСЛОЎЯ

Эй ты, поэт, сильней будь духом.
Твои стихи – твоя слеза.
Ты обладаешь тонким слухом,
Ведь строки шепчут небеса.

Ты не такой, ты уникален,
Поверь в себя, шагай, твори.
Пусть мир совсем не идеален.
В стихах он может быть другим.

Ася Айсберг

ЗМЕСТ

Пад ветразямі натхнення	3
Гімн клуба	5
Бежалева Вікторыя	6
Дуднік Марыя	11
Іконнікаў Кірыл	14
Ісаковіч Валерыя	17
Калабкаў Юрый	25
Каротчыкава Настасся	26
Карпіцкая Аліна	35
Кашкевіч Раман	48
Каштанаў Канстанцін	50
Кімбар Андрэй	52
Корзунаў Дзмітрый	57
Купрыянец Таццяна	65
Масалова Аліна	76
Музычэнка Уладзіслаў	78
Наканечная Фаіна	80
Пятровіч Ігар	83
Роўда Кацярына	92
Ткачэнка Аляксандра	102
Трашчова Анастасія (Ася Айсберг)	104
Тункевіч Віктар	111
Цвірко Іван	115
Цішкевіч Таццяна	122
Чахоўская Елізавета	130
Шыдлоўская Ганна	138
Замест пасляслоўя	142

Літаратурна-мастацкае выданне

КВЕТКАВЫЯ ВЕТРАЗІ

Складальнік
Шкіронак Ірына Сцяпанаўна

Адказы за выпуск *А. А. Лагвіновіч*
Мастацкі рэдактар *Т. Ю. Таран*
Мастак вокладкі і ілюстрацый *А. В. Карпіцкая*
Тэхнічны рэдактар *Т. К. Рамановіч*
Камп'ютарная вёрстка *В. У. Гасюк*
Карэктар *А. І. Бандарэнка*

Падпісана да друку 27.06.2016. Фармат 70×100/32. Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 5,8. Ул.-выд. арк. 5,7.
Тыраж 100 экз. Заказ 435.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.
Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.